

СТРАНА ДВЕНАДЦАТИ ЛУН

Книга сказок для

Полины

Сказки написаны специально для Полины

Содержание

1	Звёздный ключ	~5 мин	4
2	Дракон, который боялся темноты	~6 мин	11
3	Первый день в Лесной школе	~6 мин	18
4	Тайна подводного королевства	~6 мин	25
5	Космический пикник	~6 мин	33
6	Волшебные слова	~6 мин	41
7	Потерянная улыбка	~5 мин	48
8	День рождения наоборот	~6 мин	55
9	Великая гонка улиток	~6 мин	62
10	Хранительница зимнего леса	~5 мин	69
11	Город, где прячутся сны	~5 мин	76
12	Большое путешествие домой	~6 мин	83

Звёздный ключ

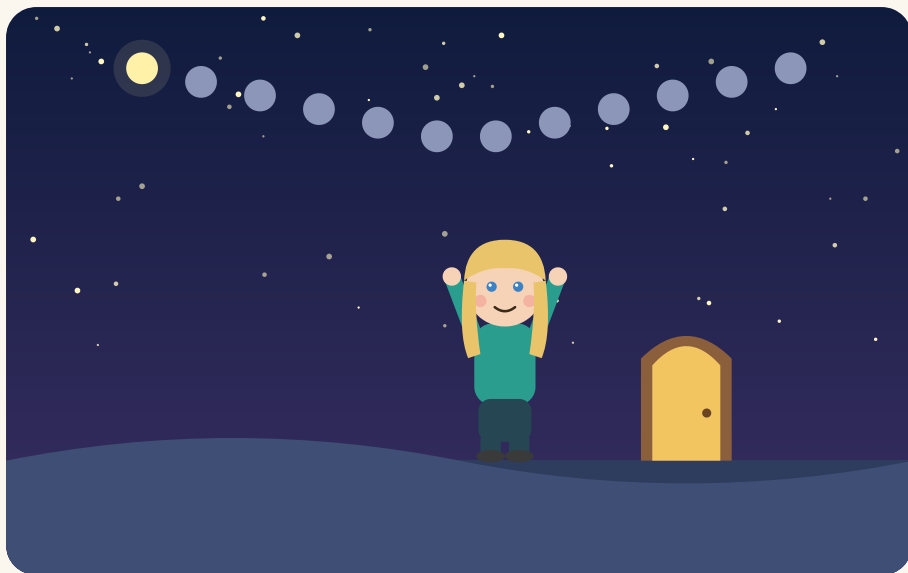
Вечер был самый обыкновенный. В темноте шкаф стал выше, а окно — глубже. *Полина* забралась под одеяло, сунула руку под подушку — и замерла. Там лежало что-то тёплое.

Ключик! Крошечный, золотой, тёплый, как солнечный лучик на подоконнике. И он гудел — тихо-тихо: «М-м-м...» Будто чайник, который вот-вот запоёт. А потом ключик потянул руку к стене — несильно, как котёнок тянет за рукав: пойдём, покажу.

На обоях сама собой проступила золотая линия.

Она пробежала вверх, завернула уголком, спустилась вниз — и получилась дверца. Маленькая, с книжку, с ручкой в виде луны. *Полина* постучала: тук-тук-тук. Дверца скрипнула и отворилась. Она была маленькая, а *Полина* — большая. Но как-то так вышло, что они друг другу подошли. С кровати за всем этим следит Барсик — одним глазом, как настоящий сторож. За дверцей стояла ночь — не чёрная, а синяя, как черничный кисель. Пахло тёплой травой и мёдом.

Внизу, в долине, звенела река, и в ней плыли звёзды — медленно, как клёцки в супе. А в небе висели луны. Двенадцать! Они стояли по кругу, как часы без стрелок. Все бледные, будто нарисованы молоком. И лишь одна чуть-чуть мигала. *Полина* ещё не знала, что это самая первая страница большой-пребольшой книги. Под лунами стоял столб с указателями. На верхней стрелке сидела сова. Сидела — и храпела: «Ху-у... ху-у...» Будить или не будить?

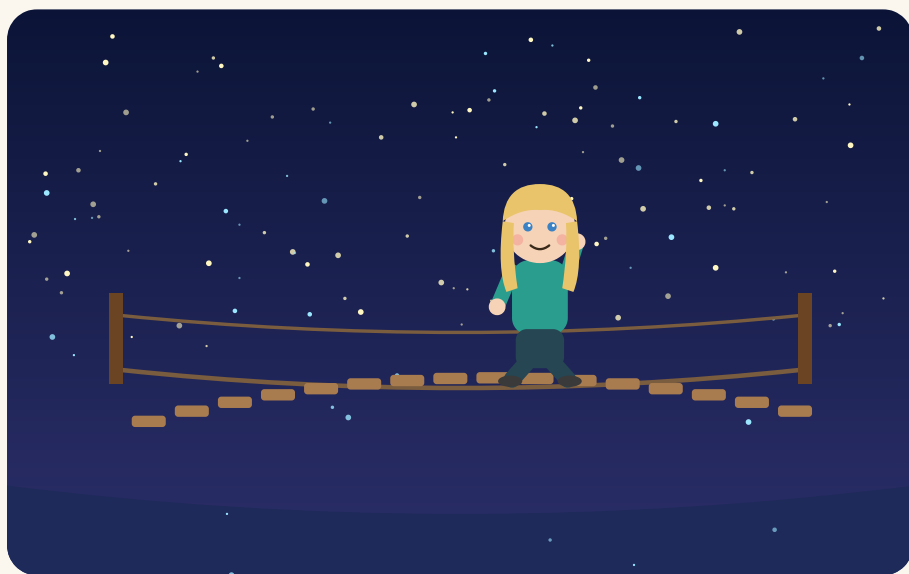

Полина решила: будить, но вежливо — и легонько постучала по столбу.

«Ух-ху! — Сова распахнула глаза, круглые, как блюдца. — Я не спала! Я... сторожила изнутри. Я сова Луна, хранительница лун. Видишь, какие они бледные? Луна загорается, когда кто-нибудь проходит своё приключение. А гостей давно не было. Пойдёшь?» «Я не знаю, смелая ли я, — честно сказала *Полина*. — Мне страшно». «Ух-ху. Так и должно быть. Смелость — это „страшно“ плюс шаг». Страшно уже было. Оставалось добавить шаг. «Я попробую».

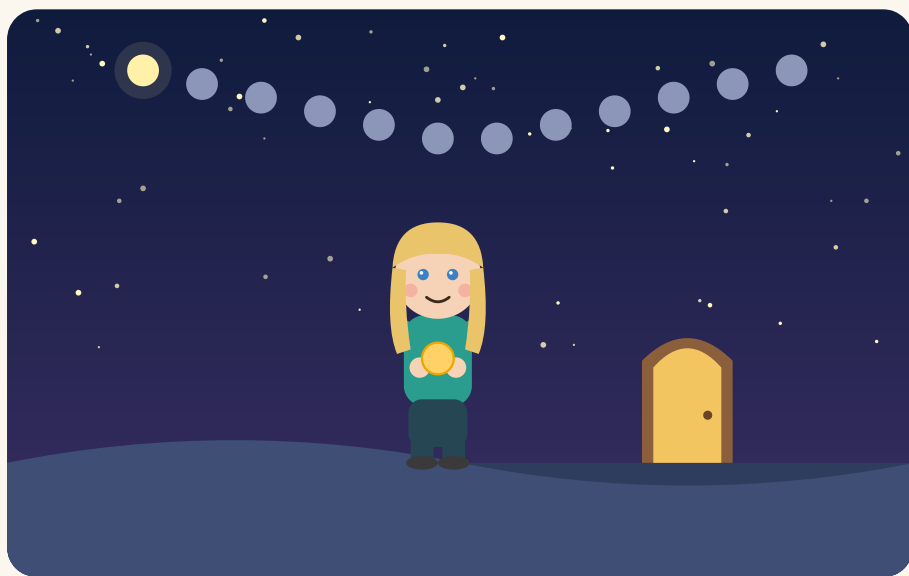
И мигающая луна — миг! — стала чуточку ярче.

Через звёздную реку вёл мост — верёвочный, с дощечками, лёгкий, как качели. Сова Луна перелетела на тот берег: ждать. *Полина* ступила на первую дощечку. Мост скрипнул — будто спросил: «Ну что?» «Раз, два, три — я иду», — прошептала *Полина*. Шаг. Ещё шаг. Смотреть вниз было страшно, и *Полина* стала смотреть на звёзды в реке. Одна звезда подмигнула. Другая, кажется, помахала лучиком. Третья пускала пузыри.

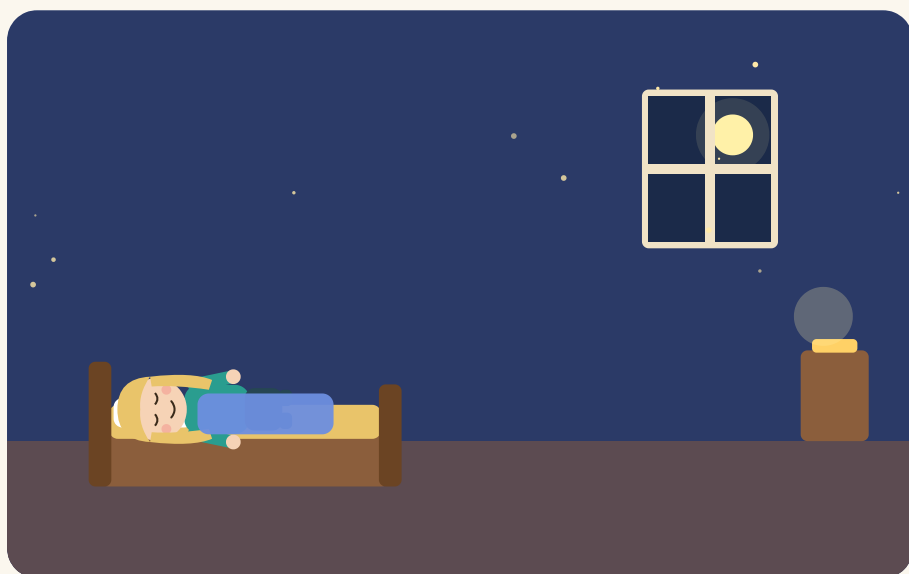
На самой середине подул ветер, и мост качнулся — у-у-ух!

— туда, потом обратно. *Полина* остановилась. Коленки дрожали. Ключик в кармане пижамы гудел громко-громко — будто тоже волновался. Можно было вернуться: дверца — вон она, рядом. Но *Полина* не повернула назад. И вдохнула глубоко-глубоко. «Раз. Два. Три — я иду». И сделала шаг. А потом ещё один. И ещё. И вот уже под ногами — мягкая трава того берега.

Полина оглянулась — и ахнула. Каждая дощечка, на которую она наступала, теперь светилась. Через всю реку тянулась золотая дорожка — из её собственных шагов.

А ярче всего светилося самое страшное место, посередине. Звёзды в реке зазвенели, будто хлопали в ладоши. И тут в небе тоненько прозвенело: «Дзинь!» Мигающая луна налилась светом и засияла — круглая, тёплая, как лампа в окне. «Горит! — сова Луна захлопала крыльями. — Горит первая луна!»

Она дала *Полине* карту, сложенную вчетверо. На карте было двенадцать кружочков. Один из них светился, как крошка луны. «Остальные подождут. Луны не убегают. Сожмёшь ключ покрепче — и дверца откроется.

А домой обратно всегда быстрее: закрой глаза». *Полина* закрыла глаза — и щекой почувствовала свою подушку. Ключик лежал под ней, тёплый. В ногах сопит Барсик, будто никто никуда и не уходил. Было сонно и гордо сразу. Эти два чувства совсем не мешали друг другу. А ключик тихонько гудел: «М-м-м...» Это значило: до завтра.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Смелость — это когда страшно, а ты всё равно делаешь шаг.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А когда тебе было страшно, но ты всё-таки сделала свой шаг?

Дракон, который боялся темноты

В ту ночь *Полина* никак не могла уснуть. Где-то на кухне тикали часы. А на стене жили тени. Большие. Одна — лохматый великан с круглой головой. Другая — длинная рука с растопыренными пальцами. Третья — горбатая гора. Тени не шевелились. Но *Полине* всё время казалось, что вот-вот пошевелиятся. Она натянула одеяло до самого носа. Ключ под подушкой потеплел и загудел: «М-м-м...» Будто тоже не спал.

А потом под кроватью кто-то сказал: «Ик!»

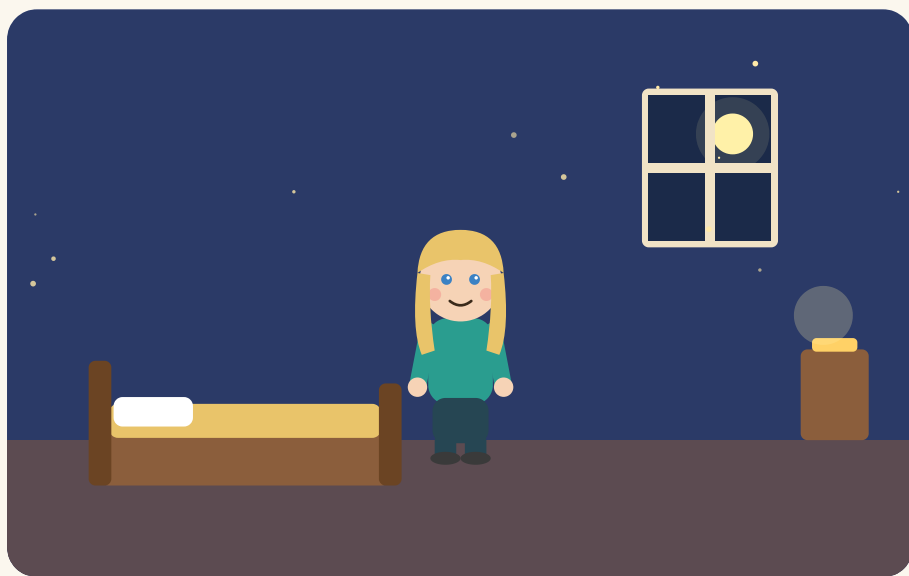
Из-под края одеяла выскочила искорка — крошечная, как головка спички, — и погасла.

Полина замерла. Можно было нырнуть под одеяло с головой. Но вместо этого она свесилась с кровати и заглянула вниз. Там, рядом с потерянным носком, сидел дракончик размером с котёнка. Он дрожал так, что чешуйки звенели, как ложечки в стакане. «Я не боюсь! — пискнул он. — Ну... чуть-чуть. Ик!»

Дракончика звали Уголёк. Он пришёл через дверцу, из Страны Двенадцати Лун. «По Стране разнеслось, что ключ от дверцы теперь у тебя! — затараторил он. — Ой-ой-ой, я думал: у кого ключ, у того и в комнате не страшно. А у тебя тут — великан!» Он ткнул лапкой в стену и спрятался *Полине* в рукав пижамы. Выходит, смелая здесь — *Полина*. Это было неожиданно. И страшно от этого меньше не стало.

Полина взяла Уголька на ладонь. Он был тёплый, как печка, и лёгкий, как варёжка.

Барсик подходит, обнюхивает гостя и фыркает: ладно уж, свой. Честно говоря, *Полине* тоже было страшно. Но теперь рядом был кто-то поменьше. Уголёк смотрел снизу вверх — так смотрят на кого-то большого и смелого. И *Полина* сказала то, что очень хотела услышать сама: «Пойдём посмотрим поближе. Я буду рядом». Уголёк кивнул. От волнения он икнул, и искорка осветила их обоих.

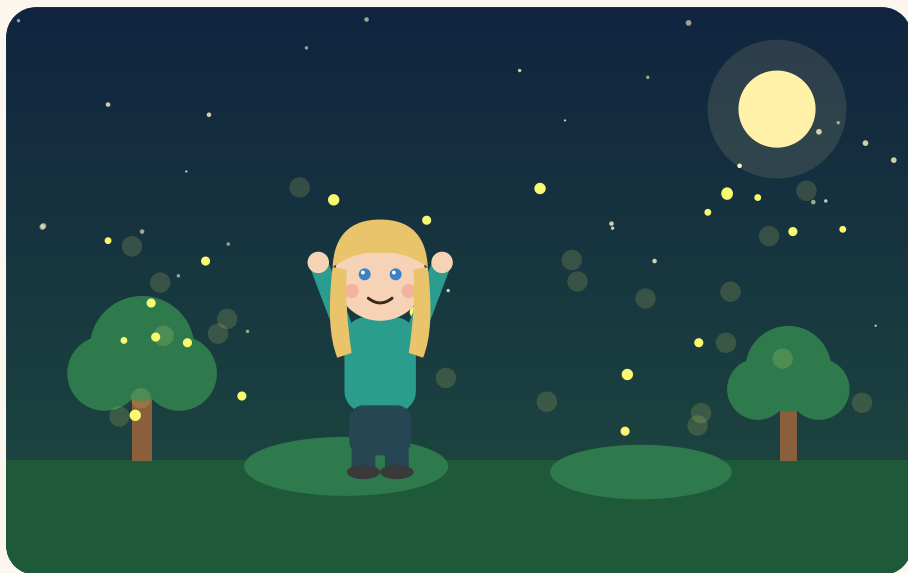

Пол был прохладный, половицы тихонько скрипели. *Полина* шла на цыпочках, а Уголёк сидел на ладони и икал через шаг.

Великан на стене становился всё больше, а шаги — всё меньше. «Ик!» — и вспыхнула искорка. Стало светло, как от фонарика. Кто там? — Это просто... куртка! Она висела на крючке, а капюшон торчал, как лохматая голова. «Добрый вечер, господин Вешалкин», — вежливо сказала *Полина*. Уголёк так засмеялся, что икнул три раза подряд.

Дальше — длинная рука. «Ик!» Кто там? — Это просто... ветка! За окном качалась ветка и махала листьями, будто здоровалась. Потом — гора. «Ик!» Кто там? — Это просто... стул! А на стуле — одеяло, и складки на нём лежали, как склоны. «Одеяльная гора!» — Уголёк вскарабкался на вершину и объявил себя горным драконом, большим и страшно храбрым. Оказалось, икота — лучший фонарик на свете. Особенно если икать от смеха.

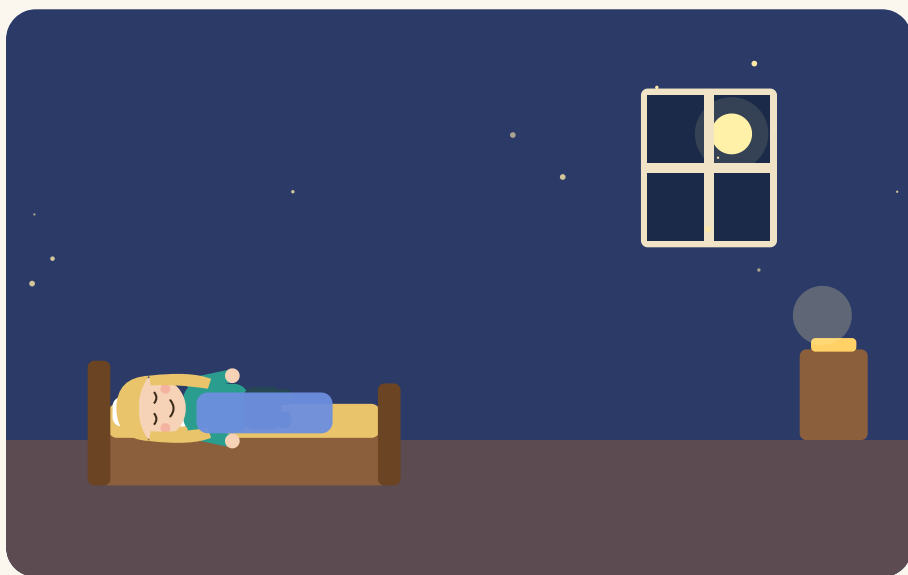
Они подошли к окну и прижались носами к стеклу. Стекло было холодное, а нос у Уголька — горячий, и на стекле осталось маленькое мутное пятнышко.

А сад был полон жизни. Светлячки мигали в траве, будто кто-то рассыпал крошки света. По дорожке топал ёжик. Где-то ухала сова. А над деревьями висел тонкий месяц и улыбался. Уголёк смотрел во все глаза и даже икать забыл. «Ой-ой-ой, — прошептал Уголёк. — Там столько всех!»

«Темнота совсем не пустая, — удивился Уголёк. — А великан? А гора?» «Они есть. Господин Вешалкин и Одеальная гора. Только они свои», — сказала *Полина*. И добавила: «Темнота — это просто ночь, в которой выключили свет».

Этот секрет она запомнила на все ночи сразу: если страшно, подойди поближе и дай тени смешное имя. Уголёк зевнул, спустился на коврик и свернулся колечком, хвостом к носу. Последняя искорка у него не погасла. Он светился ровно и тихо, как ночник, который никто не включал.

Полина перевернула подушку прохладной стороной и смотрела на Уголька, пока глаза не закрылись сами.

За окном тихо звякнуло — дзинь, — будто ложечку положили на блюде. Это загорелась вторая луна, мягкая, как ночник. На карте совы Луны прибавился ещё один светлый кружочек. Утром на коврике найдётся чешуйка, тёплая и похожая на листик. Она ляжет на полочку на подоконнике. Но это будет утром. А пока тени на стене были просто тенями. А ночь — просто ночью.

Конец

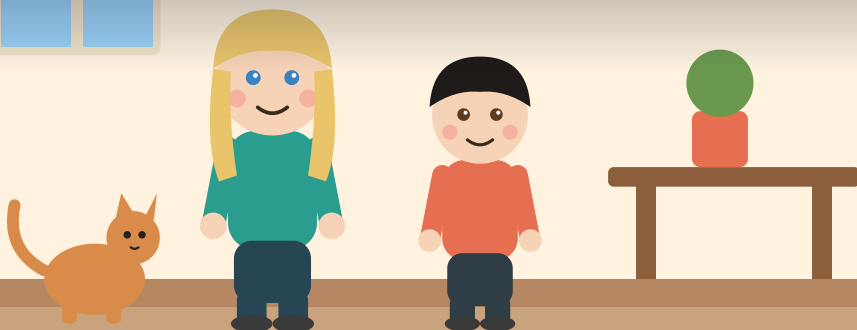
МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Помогаешь другому бояться меньше — и сам боишься меньше.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А ты когда-нибудь успокаивала того, кому страшнее, чем тебе?

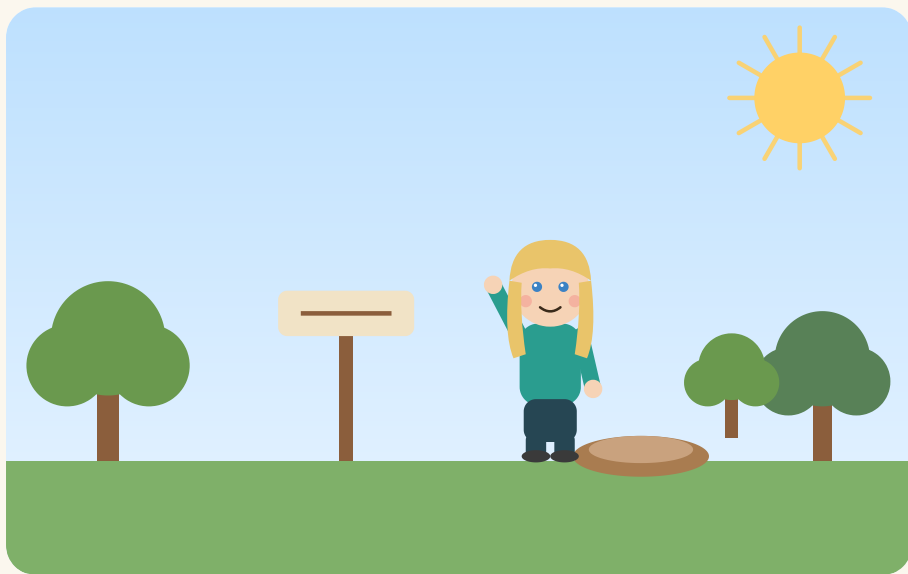
Первый день в Лесной школе

Вечером, когда *Полина* уже легла, за окном тихо звякнуло: динь-динь. На подоконнике, на тонкой ниточке, качался жёлудь. Гладкий, в шапочке, а внутри — крошечный колокольчик. К ниточке была привязана записка. Буквы кривые, будто их писали лапой: «Приглашаем в Лесную школу. Первый день — сегодня. Учительница Барсучиха». «Сегодня? — удивилась *Полина*. — Так ведь уже ночь». А ключ под подушкой гудел: «М-м-м...» — будто говорил: там, куда зовут, сейчас самое утро.

Полина села на кровати.

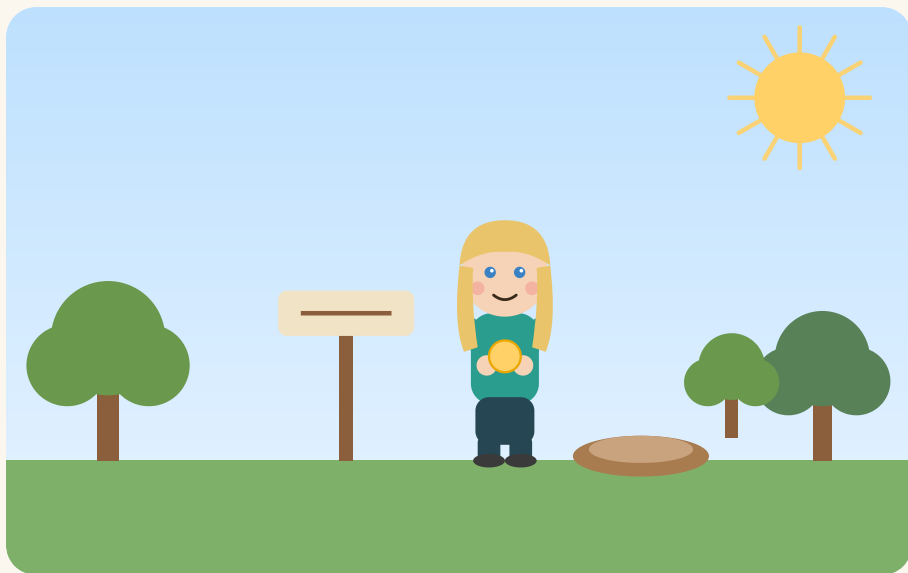
В животе стало щекотно и холодно, как от мороженого. Даже пальцы на ногах поджались. «А если со мной не будут играть? — подумала *Полина*. — Я же там никого не знаю». Но жёлудь звенел так весело, что сидеть на месте было невозможно. Ключ в кулаке был тёплый и гудел, будто уговаривал: пойдём, пойдём. Золотая линия на обоях, дверца, тук-тук-тук — и за дверцей зашуршали листья.

Шуршащий лес пах грибами и утренней росой. Ворота Лесной школы — две берёзы — наклонились друг к другу, будто шептались.

Между ними висели жёлуди-колокольчики, целый ряд. И один крючок был пустой. *Полина* посмотрела на желудь в руке и всё поняла: он прилетел отсюда. У ворот толпились зверята с ранцами из листьев, и все здоровались по-своему. Ёжик — «Фыр!». Дятел — «Тук-тук!». Зайчата — ушами. Бельчонок — хвостом, так пушисто, что все чихнули. Привет! — И тебе привет! А вот и Миша! *Полина* и Миша крепко держатся за руки: вдвоём первый день не такой огромный.

А у самой берёзы стоял лисёнок. Один. Рыжий, как осенний лист, и нос спрятан в хвост — только глаза блестят. «Ему тоже страшно, — поняла *Полина*. — Может, даже страшнее, чем мне». Подойти первым — всё равно что шагнуть на качающийся мост. Но для таких шагов у *Полины* была считалка. «Раз, два, три — привет!» Уши у лисёнка поднялись, хвост съехал с носа. «...Привет, — прошептал он. — Я Рыжик. А можно... я с тобой?» «Конечно, можно!»

Дин-дон! — зазвенели колокольчики на воротах. Из-за дуба вышла учительница Барсучиха. Очки сидели у неё на самом кончике носа, а в лапах шуршал листок со списком. Шерсть у неё была полосатая, как пижама. «Здравствуйте, класс», — сказала она. Все выпрямились. А голос у неё чуть-чуть дрожал. «Я должна вам признаться, — Барсучиха сняла очки и снова надела. — У меня тоже первый день. Я учительница... с сегодняшнего утра».

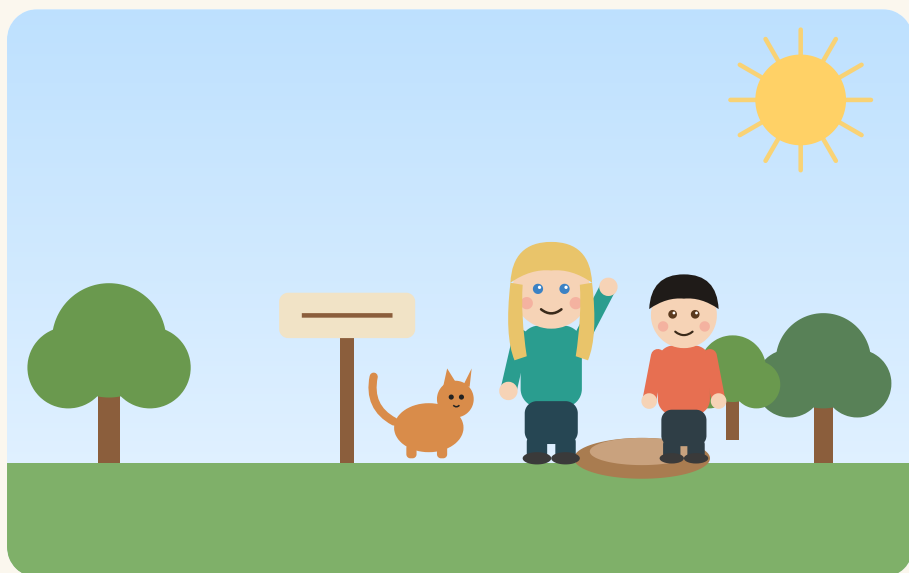
Секунду все молчали. А потом ёжик сказал: «Фыр!» — и все засмеялись. Даже Барсучиха.

Стало легко, будто с плеч сняли тяжёлые ранцы. «Первое задание, — Барсучиха заглянула в листок. — Построить большое гнездо. Для кого — узнаем вечером». Зайчата таскали ветки. Дятел носил прутьики. Рыжик и *Полина* собирали мох — мягкий, как бархат, и чуть влажный. Гнездо росло и росло — и стало выше самой Барсучихи!

И тут гнездо качнулось. Хрусь... хрусь... ш-ш-шух! — и развалилось во все стороны. Стало тихо-тихо. Даже ветер перестал шуршать. Рыжик опять спрятал нос в хвост. Барсучиха схватилась за очки. Все смотрели на кучу и не знали, плакать или нет. А *Полина* посмотрела на кучу веток — и засмеялась. Из кучи торчали заячьи уши, а на ушах висел мох, как зелёная шапка. И засмеялись все. Громче всех — зайчонок в моховой шапке.

Ж-ж-з! Над поляной пролетела пчёлка Зузу в крошечных очках. В лапках у неё была картинка из Медовой библиотеки.

«3-замечательное гнездо! — прожужжала она. — Только вверх ногами. Большие ветки — вниз, маленькие — наверх. Всё записано!» Строили снова. Большие ветки — вниз. Маленькие — наверх. Мох — внутрь, для мягкости. Рыжик уже не шептал, а командовал: «Сюда! Нет, сюда!» Гнездо вышло кривоватое, зато крепкое. Барсучиха постучала по нему лапой — оно даже не скрипнуло.

Вечером в гнездо тихонько сели две настоящие птицы и зачирикали. Класс построил кому-то дом! Привет! — И тебе привет!

Барсучиха протянула *Полине* жёлудь-колокольчик — тот самый, с пустого крючка: «Оставь себе. Он за тобой и прилетал». Дома жёлудь лёг на полочку на подоконнике и звякнул: динь! А небо ответило ему тоненьким «дзинь»: загорелась третья луна, будто тоже весь день была в школе. На карте совы Луны стало одним светлым кружочком больше. *Полина* зевнула и закрыла глаза. Завтра — опять.

Конец

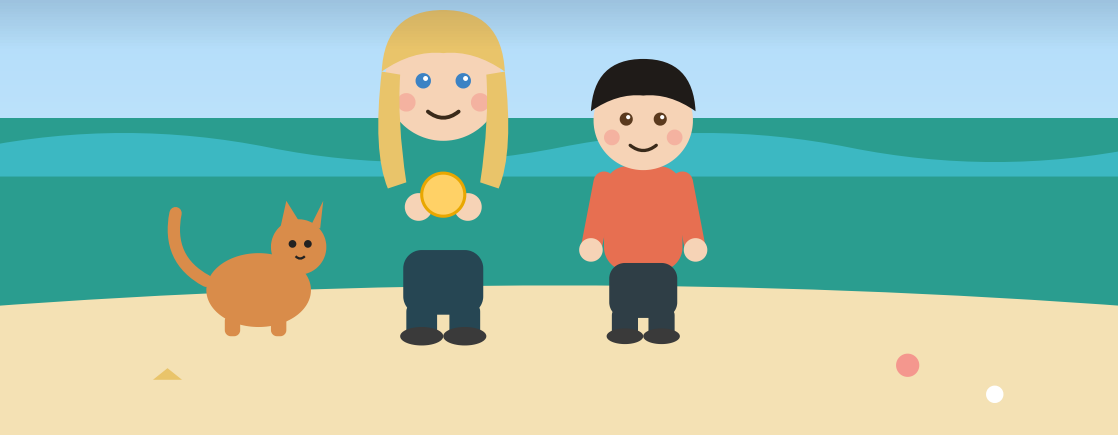
МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Новое место становится своим с первого
«привет».

ВОПРОС НА НОЧЬ

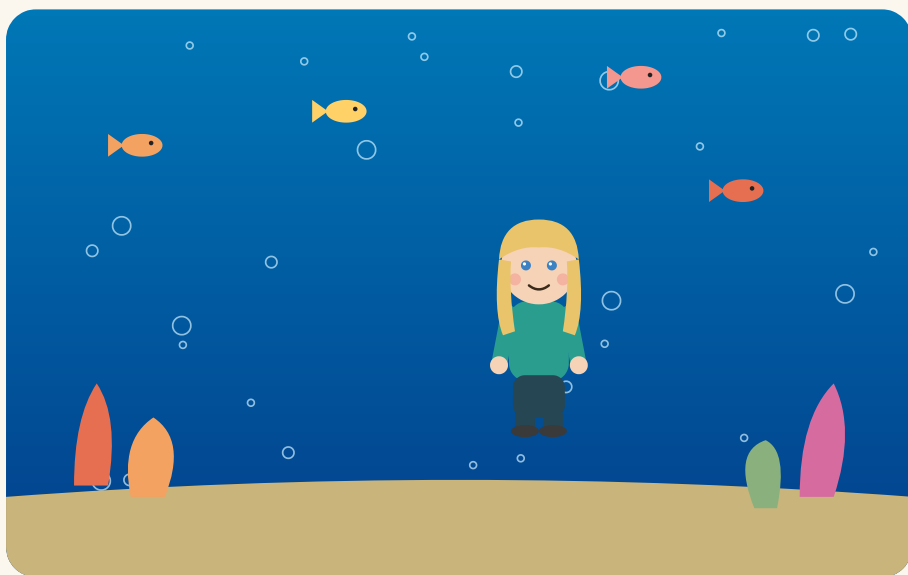
А помнишь, как ты первый раз пришла куда-то, где всё новое? Кому ты сказала «привет»?

Тайна подводного королевства

Ключ под подушкой загудел, потянул руку к стене — и за дверцей оказался берег. Тёплый песок, тёплый ветер и море, светлое, как чай с молоком. Это было Светлое море. Пахло солью и нагретыми камушками, а волны шуршали, как страницы. У самой воды на полотенце устраивается Барсик: я посторожу. Волна подкатила к ногам пузырь — большой, блестящий, как мыльный. Внутри лежали жемчужина и записка. Буквы были круглые и медленные: «Помогите! Поющая Ракушка молчит. Королева-черепаха».

Жемчужина была тёплая, как орешек, который долго держали в кулаке. *Полина* сжала её — буль! — и вокруг вырос прозрачный пузырь. Он не лопался, даже если потрогать его пальцем: упругий, как мячик. «Под водой можно дышать», — догадалась *Полина* и шагнула в волну. Вода оказалась тёплой, как воздух летним вечером. Внизу покачивались кораллы — розовые, жёлтые, пушистые, как кусты в цвету. Над головой качалось солнце — зелёное и дрожащее.

Только в королевстве было тихо.

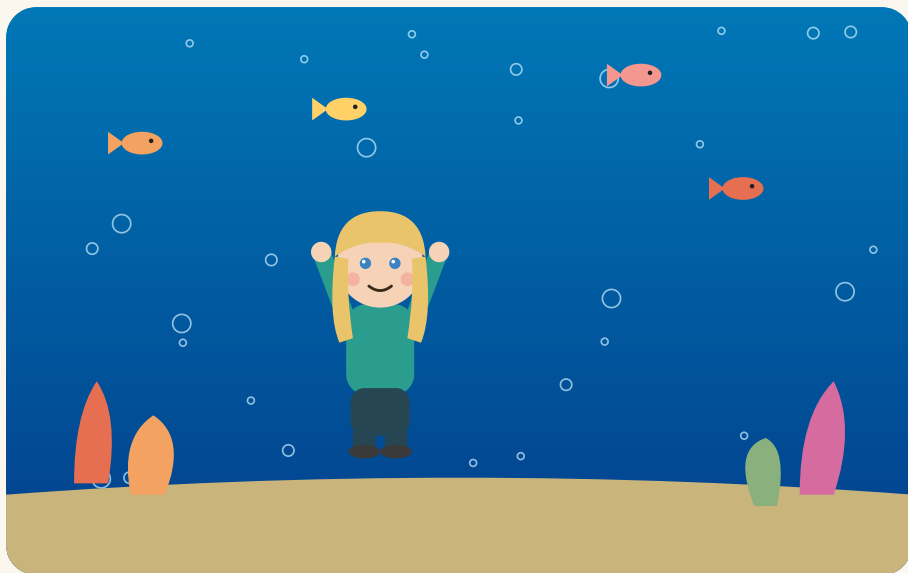
Рыбки висели в воде грустными стайками, и никто не танцевал. Даже водоросли опустили листья, как уши. «Буль-буль, расскажи! — попросила *Полина*. — Что случилось?» «Ракушка молчит, а без песни танцевать нельзя! — наперебой забулькали рыбки. — Это Отто! Рядом с ракушкой было облако чернил! Он вечно всё роняет!» Королева-черепаха тяжело вздохнула. Все уже всё решили. А *Полина* решила сначала послушать самого Отто. Его-то никто не спросил.

Пещера Отто была полна потерянных вещей. Там лежали пуговица, ключик неизвестно от чего, старая труба и чайная ложка. Всё аккуратно, на полочках из камня. В пещере было прохладно и пахло мокрыми камнями. А посередине сидел сам Отто — большой, мягкий, розовый. Увидев гостя, он съёжился: «Простите. Простите. Простите. Простите. Простите. Простите. Простите. Простите». *Полина* посчитала: восемь. По разу каждой рукой.

И молча села рядом на тёплый камень.

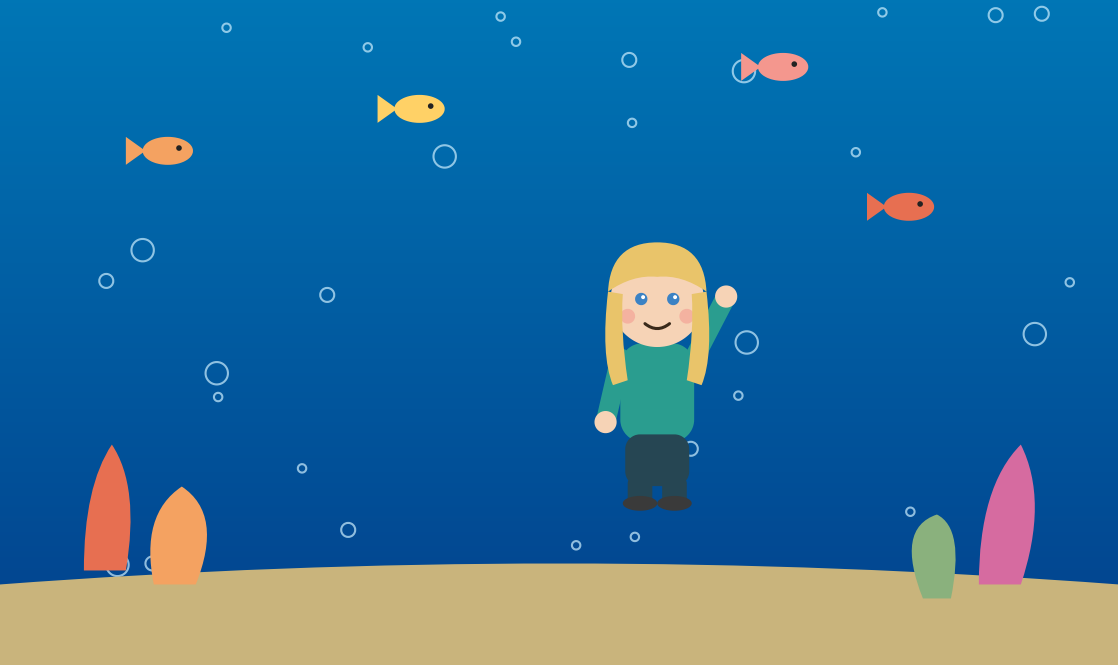
Отто помолчал. Потом осторожно, с бульканьем, начал: «Я очень хотел танцевать со всеми. Но у меня восемь рук, и они всё время путаются. Я задел ракушку. Она покачнулась... Я испугался и... покраснел». «Чернилами?» — спросила *Полина*. «Осьминоги краснеют чернилами, — вздохнул Отто, и в воде расплылось облачко в форме сердечка. — А рыбки сразу закричали. Никто не дал мне объяснить». Он опустил все восемь рук, и они легли вокруг, как лепестки у грустного цветка.

Полина задумалась. Если ракушку задела, она бы звякнула — и запела дальше, как колокольчик. А она молчит, будто ей закрыли рот. «Отто, это не от толчка, — сказала *Полина*. — Ей что-то мешает. Пойдём посмотрим». «А если опять скажут, что это я?» «Я буду рядом». Отто долго смотрел на *Полину*, потом на свои руки, потом на выход из пещеры. Наконец Отто вздохнул и поплыл, стараясь ничего не задеть.

Поющая Ракушка лежала на песке, огромная, перламутровая. А вокруг неё была намотана старая рыболовная сеть — вся в узелках, как клубок у котёнка. Сеть была скользкая и пахла тиной. «Вот кто ей рот закрыл!» — ахнула *Полина*. Узелков было много, а своих рук — всего две. Зато у Отто — восемь. «Ты держи тут, а ты — там», — командовала *Полина*, показывая Отто, какой рукой где держать. Миша тоже здесь и тянет узелки вместе со всеми.

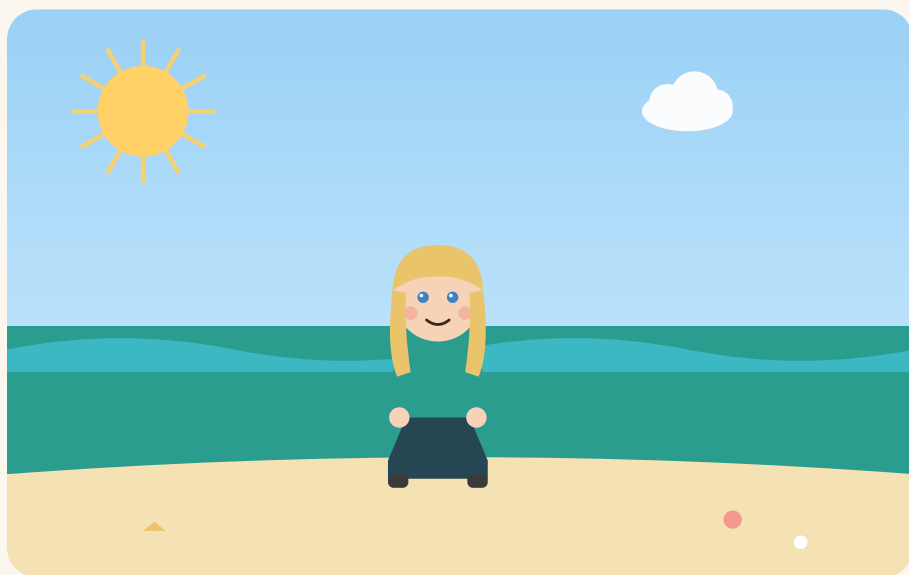
Узелок за узелком — и сеть соскользнула на песок.

Ракушка глубоко вздохнула. «Буль-буль, расскажи!» — шепнула ей *Полина*. И она запела. Из неё полетели пузырьки-нотки, а вода зазвенела, как стеклянные колокольчики. Королева-черепаха подплыла поближе, чтобы лучше слышать. А рыбки подплыли смущённые. «Простите, Отто! Простите... Простите...» Их было ровно восемь — по одной рыбке на каждую руку. Отто так покраснел, что вокруг него расплылось целое облако сердечек.

А потом Отто повёл танец.

Восемь рук вели восемь рыбьих хороводов, и никто ни разу не запутался. *Полина* танцевала в самой середине. Вода кружилась и звенела, и голова тоже кружилась — весело. Королева-черепаха медленно кивнула — это значило «хорошо». На прощанье Отто протянул *Полине* маленькую ракушку из своей пещеры: «Она гудит, когда скучаешь по другу». «А сеть?» — «Её я возьму себе, — сказал Отто. — В коллекцию. Потерянные вещи тоже бывают нужны».

На берегу песок был тёплый, а пятки мокрые и в песчинках.

Ракушка в ладони тихонько гудела: у-у-у. Уже скучала. Над водой чисто и тонко, как капля о стекло, прозвенело «дзинь». Загорелась четвёртая луна — круглая, как жемчужина. Обратно оказалось быстрее быстрого: *Полина* закрыла глаза, и щека нашла подушку. Где-то на кухне тикали часы: дома не прошло и минуты. Ракушка легла на полочку на подоконнике. И если прислушаться, она всё ещё чуть-чуть пела.

Конец

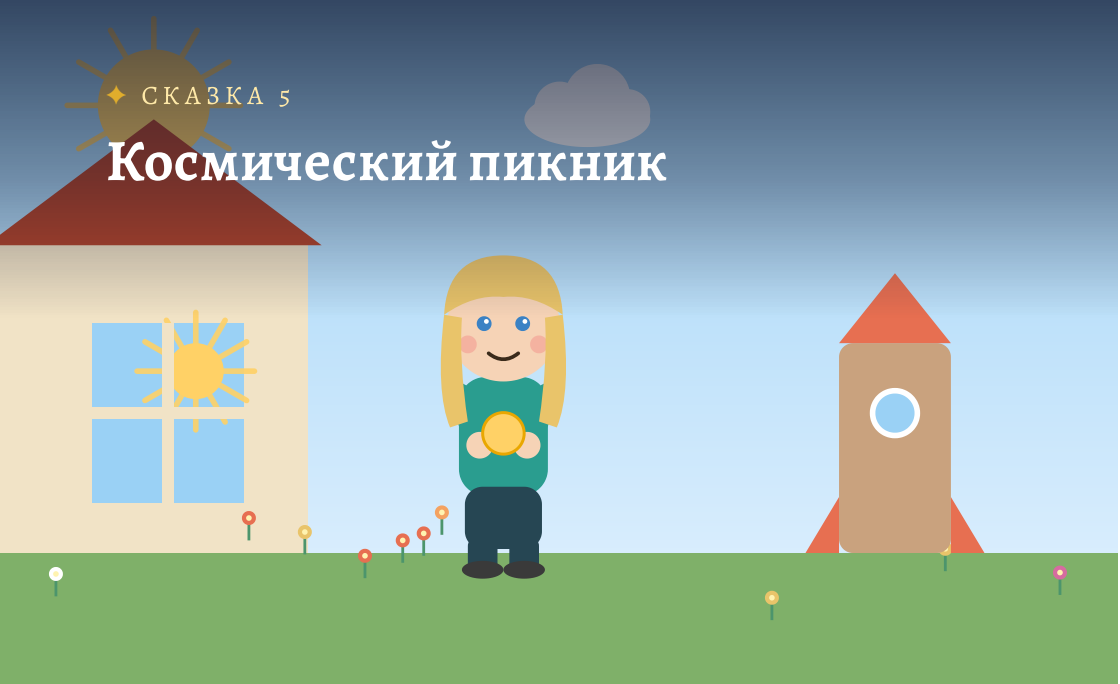
МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Прежде чем решать, кто виноват, — выслушай.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А тебя когда-нибудь обвиняли зря? Что тогда помогло?

Космический пикник

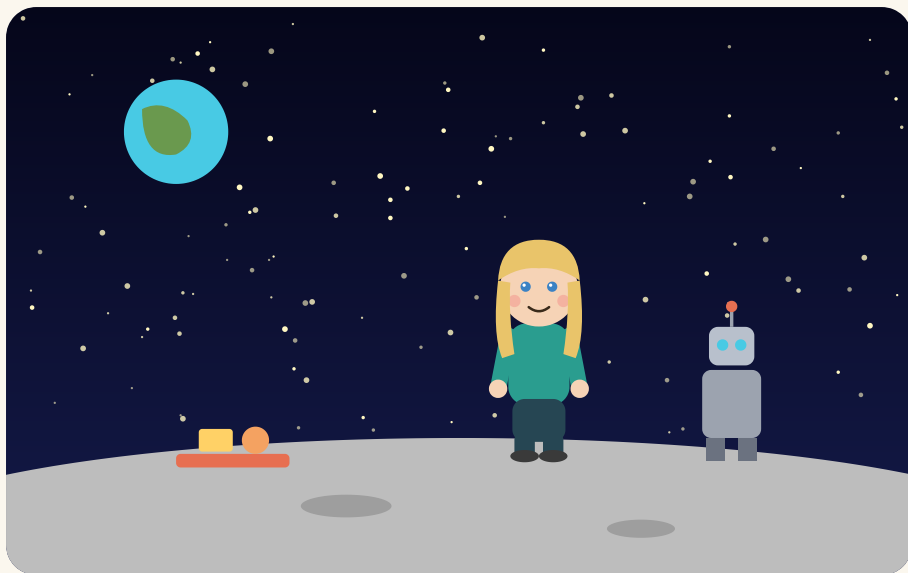

Коробка была огромная: в неё можно было залезть целиком, и ещё осталось бы место для бутербродов. И *Полина* придумала. Вырезала круглое окошко, нарисовала фломастером кнопки и рычаги, а вместо шлема надела дуршлаг. Дырочки в нём — чтобы слышать космос. Фломастер пах клубникой, а коробка — картоном. Во дворе было ещё светло, но в небе уже висела луна — бледная, дневная, как пуговица на голубой рубашке.

В кармане потеплел ключ. Он всегда теплеет перед чудом.

Полина достала его и просто так, на пробу, коснулась коробки. Коробка загудела: «М-м-м...» — как холодильник ночью. Она покачнулась, будто потянулась после сна, и из-под неё посыпались травинки. Нарисованные кнопки засветились по очереди. На крыльце садится Барсик и смотрит строго: теперь это центр управления полётом. Миша тоже забирается внутрь: экипаж в сборе. *Полина* села на командирское место — перевёрнутое ведро — и взялась за нарисованный рычаг. Ведро было холодное, звонкое и немножко качалось, как лодка. Пора!

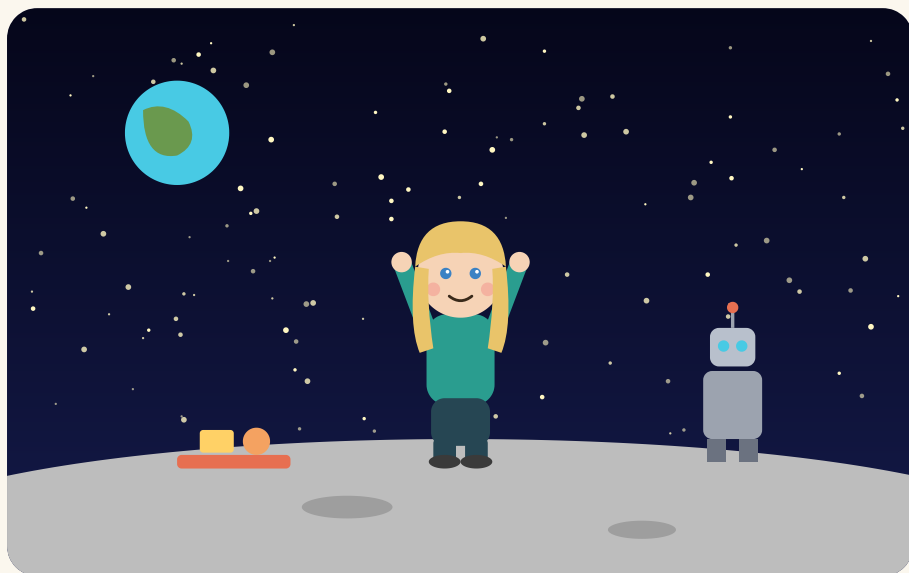
«Три, два, один — пуск!» — крикнула *Полина*. Это была считалка «раз, два, три», только задом наперёд. Коробка задрожала и зарокотала: р-р-р-р-р! Так громко, что зазвенели стёкла в окнах, а воробьи с забора вспорхнули все разом. Ведро-кресло подпрыгивало, дуршлаг съехал на нос. А потом — у-у-ух! — двор ушёл вниз.

Дома стали маленькими, как кубики, а окна — как жёлтые точки. Небо темнело, темнело и стало чёрным.

Ракета мягко плюхнулась на Лунный луг. Пыль под ногами была серая и мягкая, как мука, и на ней оставались следы — чёткие, будто штампом. *Полина* подпрыгнула — и полетела вверх, высоко и медленно, как пушинка одуванчика. Навстречу катился робот Бип — квадратный, на одном колёсике, с лампочками на груди. За ним летела пчёлка Зузу с корзинкой. «З-замечательно, что вы прилетели! Пикник готов!»

На каждой баночке у неё была этикетка. На бутерброде тоже: «Бутерброд. Не улетать».

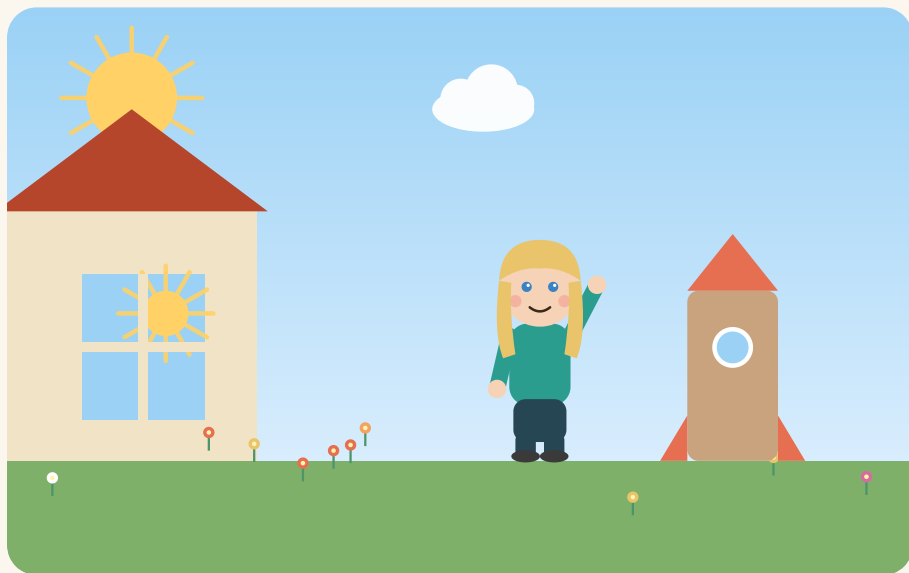
Вопросы сыпались из *Полины*, как горох из пакета. «Бип, а почему тут всё в ямках?» Почему? — Бип-бип, сейчас узнаем! «Бип. Факт номер один, — сказал Бип. — Это кратеры. На Луну падали камни из космоса. Где упал камень, там осталась ямка». Он поставил на плед миску с мукой. *Полина* бросила туда камушек — пух! — и в муке появился маленький кратер, с бортиком. Совсем как настоящий. А вокруг — белое облачко.

«А почему я прыгаю так высоко?» Почему? — Бип-бип, сейчас узнаем! «Факт номер два. Луна тоже притягивает, только слабее, чем Земля. Поэтому здесь ты весишь меньше и прыгаешь выше». «А почему небо чёрное, хотя светит солнце?» «Факт номер три. Здесь нет воздуха. На Земле воздух рассеивает свет, и небо голубое. А здесь рассеивать нечему. А дышим мы потому, что ключ держит вокруг нас пузырь воздуха. Бип-бип, это факт!»

Зузу раздала бутерброды. *Полина* откусила кусочек, взмахнула рукой — и бутерброд выскользнул. Он поплыл вверх, медленно перевернулся и закружил вокруг головы Бипа. «У Бипа появился спутник!» — засмеялась *Полина*. «Бип. Это не настоящая орбита, — строго сказал Бип. — Но похоже». Все бросились ловить бутерброд. Только на Луне резко не побегаешь: прыгнешь сильно — улетишь. Пришлось двигаться мягко, плавно, как во сне. Бутерброд поймала Зузу: «Я же написала: не улетать!»

Потом сидели на пледе и смотрели на Землю — голубую, круглую, как шарик на ниточке.

Полина посмотрела на Бипа. Лампочки у него на груди мигали розовым. «Бип, а почему ты улыбаешься?» «У меня нет чувств», — сказал Бип. Лампочки стали ещё розовее. Он помигал. Пожужжал. Посчитал что-то внутри. Даже колёсико у него скрипнуло от старания. «Не вычисляется... — наконец сказал он тихо. — Я не знаю».

Бип опустил антенну. Он очень не любил не знать. «Это же самый интересный ответ! — сказала *Полина*.

— С него всё и начинается». Бип подумал. Потом достал блокнот и записал: «Вопрос номер четыре. Открыт». Лампочки у него стали розовые-розовые. Зузу насыпала в напёрсток щепотку лунной пыли и наклеила этикетку: «Лунная пыль. Не чихать». «Это тебе. На память». Пора было домой. «Три, два, один — пуск!»

Ракета мягко опустилась во двор, и коробка снова стала просто коробкой. Где-то на кухне тикали часы: дома не прошло и минуты. Перед сном напёрсток встал на полочку на подоконнике. А в голове у *Полины* уже крутились три новых вопроса на завтра. «Дзинь!» — звякнуло в небе, будто ложечкой о напёрсток. Загорелась пятая луна — и, кажется, подмигнула. А может, это был кратер. *Полина* улыбнулась и закрыла глаза. Узнаем завтра.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

«Почему?» — это дверь, а «я не знаю» —
начало.

ВОПРОС НА НОЧЬ

Какие три «почему» ты хочешь узнать
завтра?

Волшебные слова

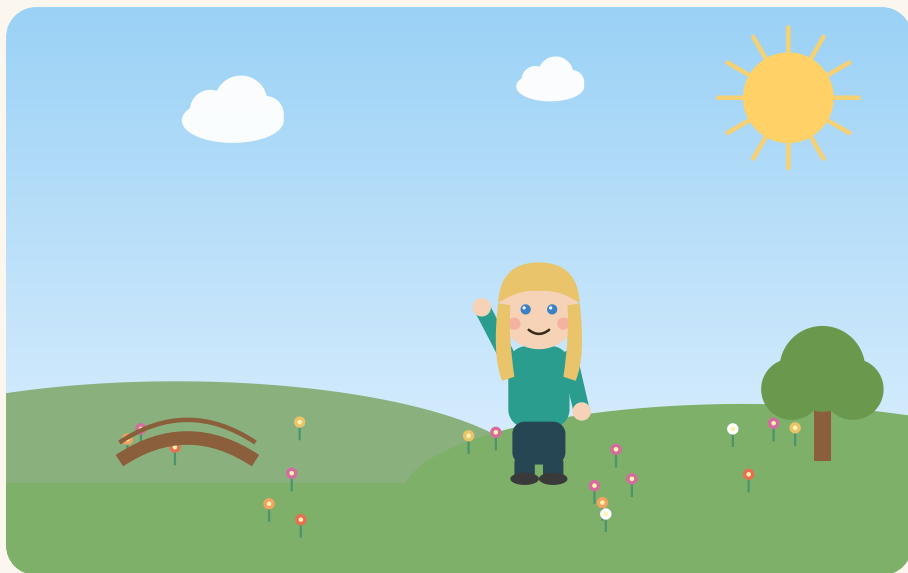
Ключ под подушкой потеплел и загудел: «М-м-м...» *Полина* уже знала, что это значит. Тук-тук-тук — и дверца открылась прямо на Ромашковый луг. Там пахло тёплой травой и мёдом, а ромашки стояли такие белые, будто их только что постирали и развесили сушиться. Навстречу неслась зайчиха Пушинка, самый быстрый почтальон Страны. В лапах — конверт больше неё самой. «Скорей-скорей-скорей! — затараторила она. — Письмо для Зузу! Очень срочное! Бежим!»

Дорога к Медовой библиотеке шла через Горбатый мостик.

Мостик был крошечный и выгнутый, как спина у кошки. А на самой его макушке сидел гном — спиной ко всем, шляпа натянута до носа. «Это Бурчун, — шепнула Пушинка. — Он никого не пускает». «А мы тихонько», — придумала *Полина* и пошла на цыпочках, мягко-мягко, как кошка по одеялу. Первая доска промолчала. Вторая тоже. А третья... «СКРИП!» Гном не обернулся. Только сказал: «Хм».

«Тогда громко!» — решила *Полина*. Она набрала побольше воздуха, и они с Пушинкой крикнули хором: «Пропустите нас!» Даже ромашки вздрогнули. А гном натянул шляпу ещё ниже. Теперь из-под неё торчала одна борода, спутанная, как клубок, с которым поиграл котёнок. «Хм». Пушинка села на кочку, и уши у неё повисли. «Я самая быстрая в Стране, — вздохнула она. — А тут скорость не помогает. Тут надо... по-другому».

И *Полина* перестала хитрить и кричать.

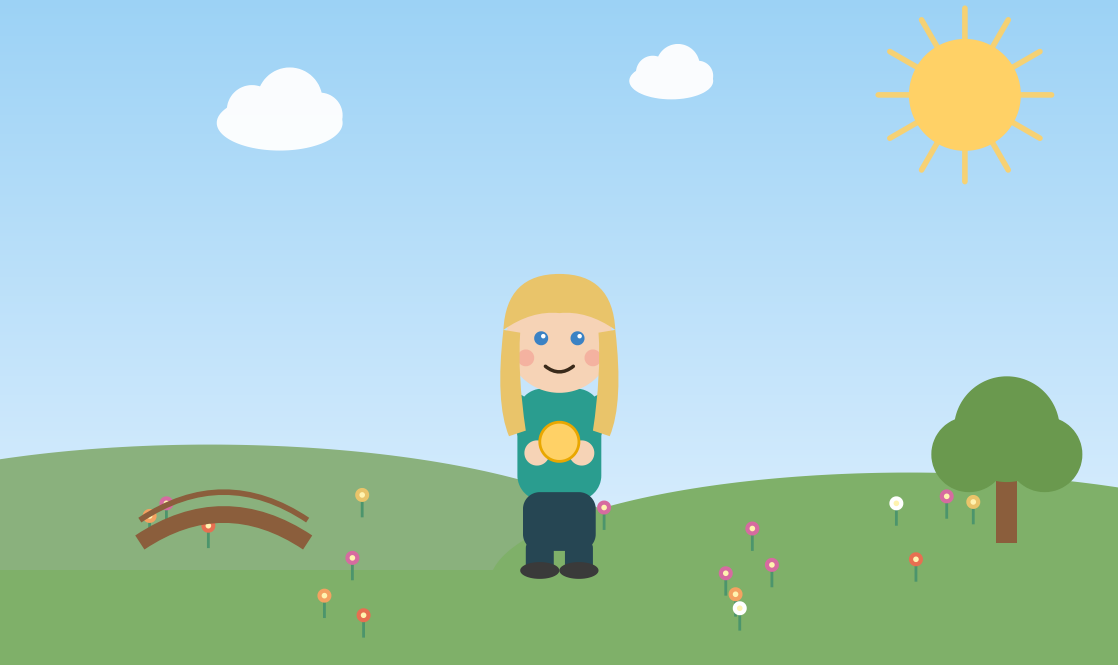
Она просто остановилась и посмотрела — внимательно, как смотрят на божью коровку на ладони. Сапоги у гнома были стоптанные, с дырочкой на пятке. Плечи опущены. Рядом на доске стояла пустая кружка. Сидел он так, как сидят, когда очень-очень устали. «Он не сердитый, — подумала *Полина*. — Он усталый. И с ним, наверное, давно никто не говорил ласково. Совсем никто».

Полина подошла поближе, чтобы гному было слышно без крика, и сказала: «Доброе утро».

Пум! У гномьего сапога раскрылся цветок — жёлтый, как желток. Гном шевельнулся. Шляпа приподнялась — чуть-чуть, на один палец. Из-под неё выглянул нос, круглый и очень удивлённый. «Пожалуйста, пропустите нас. У Пушинки срочное письмо, его очень ждут». Пум! — второй цветок, синий, как вечернее небо. И один уголок хмурого рта медленно пополз вверх.

Гном встал, отряхнул коленки и снял шляпу. Под ней нашлись глаза — добрые и немножко заспанные, как у того, кто проснулся очень рано. «Вот это и есть волшебство моего мостика, — сказал он хрипло, будто давно не разговаривал. — Сто лет его никто не вспоминал. Все только крадутся или кричат». «Спасибо», — сказала *Полина*. Пум! — третий цветок, красный, как земляника. Гном сорвал его и протянул *Полине*: «Держи. Этот не завянет никогда».

А потом гном покашлял, покраснел до самых ушей и сказал — впервые за сто лет: «Спасибо...

тебе». И тут случилось смешное: борода у него закудрявилась. Сама! Колечко за колечком, как стружка из-под рубанка. Бурчун потрогал её и засмеялся. «Проходите, — сказал он и отступил в сторонку. — И приходите ещё. Просто так». Пушинка пронеслась по мостику так быстро, что доски даже не успели скрипнуть.

Письмо успело вовремя. «3-замечательно!» — прожужжала Зузу и тут же приклеила на конверт этикетку: «Доставлено с цветами». А *Полина* всю обратную дорогу пробовала слова на всех.

«Доброе утро, ромашка!» — и ромашка кивала.
«Спасибо, Пушкинка!» — и у Пушкинки розовел
нос. «Мостик, пожалуйста, не скрипи!» — и
мостик не скрипел. «Дзинь!» — пропело небо.
Это раскрылась шестая луна — медленно,
лепесток за лепестком, как цветок в ладони.

Обратно оказалось быстрее: закрыть глаза — и
вот уже своя подушка, прохладной стороной.
Часы на кухне тикали, будто ничего и не было.
Красный цветок встал в стакан на
подоконнике, на полочке для сокровищ. Он
светился в темноте, как маленький фонарик.
Барсик обнюхивает его и чихает: пахнет
мёдом. А на карте совы Луны зажётся ещё один
кружочек. *Полина* закрыла глаза и шёпотом
сказала темноте: «Спокойной ночи». Темнота
помолчала. А потом, кажется, тихо-тихо
ответила: «Спасибо».

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

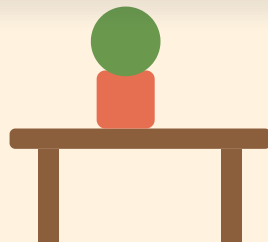
Сначала посмотри внимательно,
потом скажи доброе слово.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А кому ты сегодня сказала доброе
слово — и что случилось потом?

Потерянная улыбка

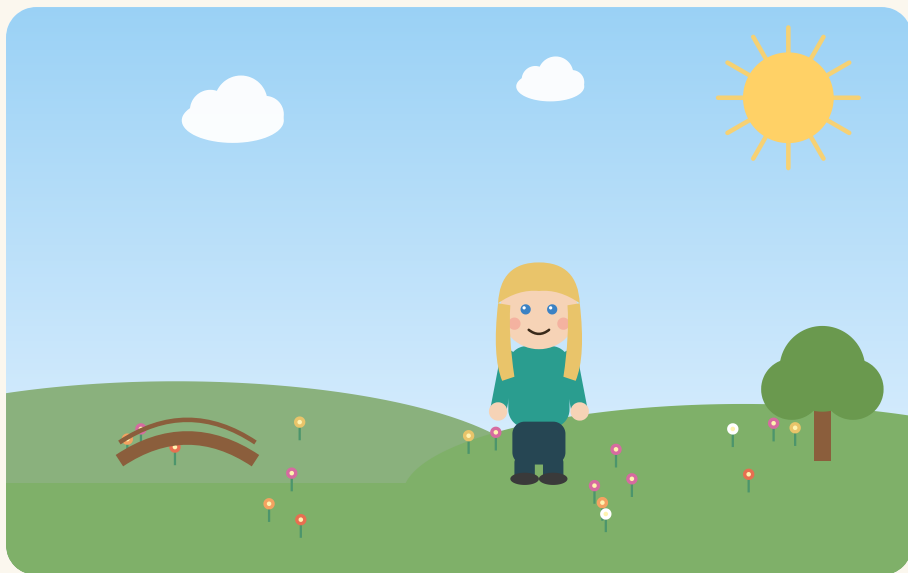
Утро началось неправильно. Левый носок оказался колючим, каша — с комочками, а за окном висело серое небо, как мокрая простыня. *Полина* сидела на кровати и дулась — на носок, на кашу и на весь белый свет сразу. Было сердито и грустно одновременно, и непонятно почему. Даже дождик за окном стучал как-то обиженно. Губы сами собой сложились скобочкой вниз. И тут *Полина* заметила самое неприятное: улыбки нет. Совсем. Потерялась!

Она искала её везде.

Под кроватью нашёлся второй носок — пыльный и очень довольный собой. В ящике стола — пуговица, которую искали с прошлой зимы. В кармане пижамы — только крошки и одна изюминка. *Полина* заглянула даже в тапок: улыбки бывают маленькие, могла и закатиться. Улыбки не было нигде — ни большой, ни маленькой. А потом в окно кто-то постучал. Негромко, мокро: кап. Кап-кап.

За стеклом висело облачко — маленькое, кудрявое и серенькое, как свитер после стирки. С него капало на подоконник. *Полина* открыла окно, и облачко вплыло в комнату, оставляя на полу мокрые точки. «Здравствуйте, — сказала оно вежливо. — Я Кучеряшка. Во мне сегодня переменная облачность, местами дождик. А в тебе какая погода?» *Полина* задумалась. Про погоду за окном спрашивали часто. А про погоду внутри — ещё никто и никогда.

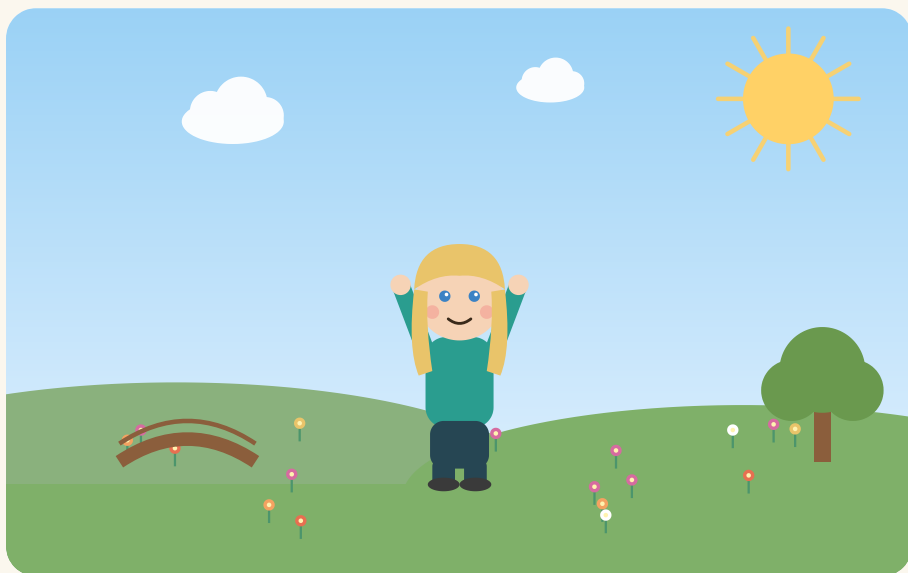
«Во мне... гремит, — сказала наконец *Полина*. — Я сердитая. И ещё грустная. Сразу».

«Гроза с дождиком, — кивнуло Кучеряшка, и с него упала капля. — Бывает. Все погоды можно». «А если я не знаю почему?» «Тогда пойдём туда, где просторно. Там любой погоде есть место». Ключ под подушкой потеплел и загудел: «М-м-м...» Тук-тук-тук — и дверца открылась прямо на Ромашковый луг, мокрый и блестящий после дождя.

На кочке сидела зайчиха Пушинка. Редкий случай: она никуда не бежала и даже сумку с письмами сняла с плеча. «Я быстрая, а слушаю медленно, — сказала она. — Рассказывай».

И *Полина* рассказала: про колючий носок, про кашу с комочками, про серое небо. Пушинка не перебивала, только уши у неё поворачивались то туда, то сюда. «Угу... А ещё?» С каждым словом внутри становилось просторнее, будто кто-то открыл форточку.

«А злость куда девать?» — спросила *Полина*. «В землю! — сказала Кучеряшка. — Она тяжёлая. Топай!» *Полина* топнула по луже. Брызги полетели во все стороны — на траву, на ромашки, на нос. «Топ-топ — злость, уходи в землю!» Ещё лужа, и ещё!

А Кучеряшка плыло следом и поливало дождиком ровно над макушкой, как зонтик наоборот. На десятой луже злость кончилась, и начался смех — мокрый, до самых ушей.

«А грусть?» — спросила *Полина*, отдышавшись. «Грусть лёгкая, — сказала Кучеряшка. — Её выдыхают». *Полина* набрала воздуха полную грудь, так что щёки надулись, как два шарика, — и: «Уф-ф-ф!» Уф — грусть, лети в облако! Вместе с «уф» вылетели две слезинки. Это ничего. Кучеряшка поймало их на лету, как ловят снежинки, и сказала деловито: «Отлично. Как раз для радуги не хватало». И облачко начало медленно отплывать в сторону.

Кучеряшка отодвинулось, как занавеска, — а за ним было солнце. Оно всё это время стояло там, просто его не было видно. И *Полина* почувствовала, как губы сами растягиваются. Улыбка! Она не терялась. Она пряталась за грозой, как солнце за облаком.

Над лугом выгнулась радуга — точь-в-точь улыбка, только огромная. «Дзинь!» — звякнуло в небе, как капля о подоконник. Это из-за облаков вышла седьмая луна — вместе с улыбкой.

Пушинка протянула камушек — гладкий, прохладный, серый, как маленькая тучка, с ямкой как раз под большой палец.

«Это сердитка. Когда злишься — сожми покрепче. Камню не жалко». Обратно оказалось быстрее: закрыть глаза — и вот уже своя комната. Солнце лежало на подушке тёплым пятном. А на карте совы Луны засветился ещё один кружочек. Барсик прыгает на кровать и лижет щёку: ну наконец-то! Камушек в кулаке. Улыбка на месте — как будто никуда и не уходила.

Конец

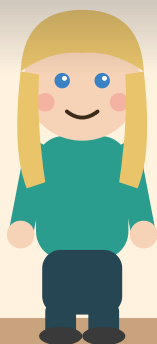
МЫСЛЬ НА НОЧЬ

У каждого чувства есть имя, и каждое можно.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А какая погода была у тебя внутри сегодня — и что помогло ей проясниться?

День рождения наоборот

Вечером на подушке лежал конверт. Надпись на нём шла задом наперёд: «ТОРОБОАН ЯИНЕДЖОР ЪНЕД». *Полина* поднесла его к зеркалу и прочитала: «День рождения наоборот». А ниже, мелко-мелко: «В твою честь. Приходи». Ключ под подушкой потеплел и загудел: «М-м-м...» Тук-тук-тук — и дверца открылась прямо на Праздничную поляну у Лунной башни. Там висели флажки, покачивались фонарики, и пахло мёдом так сильно, что хотелось облизнуться.

Гости пришли все сразу — и все спиной вперёд.

Колпаки у них были надеты на ноги. «До свидания! До свидания!» — радостно кричали они. У них это значило «здравствуй».

Дракончик Уголёк запутался в своём колпаке, шлёпнулся на траву и икнул: «Ик!» — в воздухе вспыхнула искорка. А свечи на столе сначала задули, а потом зажгли. «Наоборот так наоборот!» — засмеялась *Полина*. Было ужасно смешно.

Только потом *Полина* заметила: подарков нет. Ни одной коробочки, ни одного бантика. «А мне?» — тихо спросила она. В горле стало тесно. Праздник же в её честь! Прилетела сова Луна, хранительница лун, пушистая, как старая варёжка. «Ух-ху. С днём... с днём... Забыла, с каким днём! — Сова заглянула *Полине* в глаза. — Обидно? Понимаю. Но у нас наоборот: подарки дарит тот, у кого праздник. Попробуй. Луны не убегают». *Полина* посмотрела на гостей. Гости смотрели на неё — с надеждой.

«Ну ладно, — вздохнула *Полина*. — Наоборот так наоборот».

На столе нашлись цветная бумага, шишки, клей и большая корзинка с ленточкой. Но что кому подарить? *Полина* стала смотреть на гостей — внимательно, как в лупу. Дракончик Уголёк дрожал и дул себе на лапы. Лисёнок Рыжик набил карманы камушками. осьминог Отто в бочке с морской водой извинялся перед каждым, кто проходил мимо. А робот Бип спрашивал «почему?» чаще, чем мигал лампочками.

Сове Луне — рисунок: все двенадцать лун по кругу, жёлтым карандашом, который пах деревом. Чтобы не забывала. «Ух-ху...

— Сова прижала рисунок к пушистой груди. — Мне ещё никогда ничего не дарили». Угольку — полосатый шарф. Уголёк замотался в него до самых глаз, помолчал и сказал: «Знаешь... мне тепло. И не только снаружи». И от радости икнул так, что искорка вышла в форме сердечка.

Рыжику — блестящий камушек, полосатый, как леденец, для коллекции. Рыжик спрятал нос в хвост: когда он очень рад, он всегда стесняется. Отто — открытка «День без „простите“». Он прочитал её, набрал воздуха, начал было: «Прост...»

— поймал себя на полуслове и засмеялся, булькая. Бипу — коробочка, перевязанная ниткой, а в ней вопрос: «Почему дарить — радостно?» «Не вычисляется...» — сказал Бип. А лампочки у него замигали, как гирлянда. Один свёрток *Полина* отложила отдельно. На нём было написано: «Миша».

Каждое счастливое лицо делало *Полину* ещё счастливее. Это было странно: подарков не досталось ни одного, а радости — целая гора. Уголёк всё время трогал свой шарф, Рыжик разглядывал камушек на свет, а сова Луна показывала рисунок всем по очереди. Наступил вечер. Фонарики стали медовыми. Корзинка опустела — только ленточка на дне. А внутри у *Полины* было полно. Как будто корзинка переехала туда. Барсик обнюхивает пустую корзинку: пахнет мёдом.

И тут пчёлка Зузу вынесла торт — огромный, медовый, со свечками-лунами. «Замечательно, режь! — прожужжала она. — Только имениннице — самый большой кусок!»

«А вот и нет», — сказала *Полина*. Она пересчитала гостей, взяла нож и разрежала торт ровно-ровно, как по линейке. Всем — поровну. Последний кусочек достался *Полине*. Он был точно такой же, как у всех, — ни больше, ни меньше. Зузу посмотрела на него, потом на свой и кивнула. И это оказалось самым вкусным подарком.

«Дзинь!» — звякнуло над поляной, будто кто-то чокнулся чашками с чаем. В небе зажглась восьмая луна — круглая и золотая, как торт.

Обратно оказалось быстрее: закрыть глаза — и вот уже своя подушка, прохладной стороной. На кухне тихо тикали часы. В кулаке осталась ленточка от корзинки. Она пахла мёдом.

Полина положила её на полочку на подоконнике. Было сыто, тепло и сонно. На карте совы Луны засветился ещё один кружочек — золотой, как мёд. Корзинка пустая, а внутри — полным-полно.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Когда делишься, радости становится больше.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А ты помнишь, как подарила кому-то подарок?
Что было у него на лице?

Великая гонка улиток

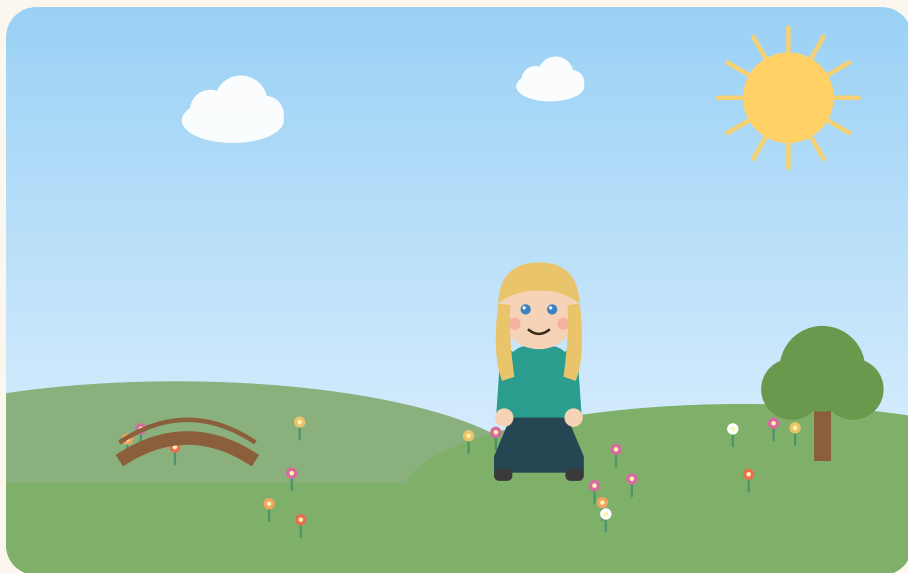

Ключ под подушкой потеплел: «М-м-м...» Тук-тук-тук — и дверца открылась на Ромашковый луг. Там, на беговой дорожке для улиток, мелом была нарисована линия старта, а на палочках трепетали флажки. Сегодня была Великая гонка улиток, а *Полина* — главная судья. Пушинка надела на неё судейскую шляпу из листа лопуха и вручила лупу — огромную, как сковородка. «Судья должен видеть всё», — сказала она и повесила себе на шею свисток.

На старте стояли четыре улитки, у каждой номер на раковине: Ракета, Молния, Шустрик и Кнопка. Самые медленные жители Страны носили самые быстрые имена. Пушинка свистнула: фьють! Гонка началась. Ракета высунула рожки. Молния подумала. Шустрик зевнул. А Кнопка просто сидела и смотрела по сторонам. «Ну быстрее же! — не выдержала *Полина*. — Ну поехали!» Улитки не поехали. Они поползли. На один сантиметр. Может быть, на полтора.

Пушинка присела рядом. Лапы у неё так и подпрыгивали, уши дёргались: стоять на месте ей было труднее всего на свете. «Я быстрая, — шепнула она. — А ждать научилась медленно. Сегодня скорость не главное. Смотри в лупу. Только тихо». «А что там смотреть? Там же одна трава». «Всё, что попадётся. Медленно-медленно, тихо-тихо...» *Полина* вздохнула, легла на живот в тёплую траву и поднесла лупу к глазу.

Сначала *Полина* увидела божью коровку.

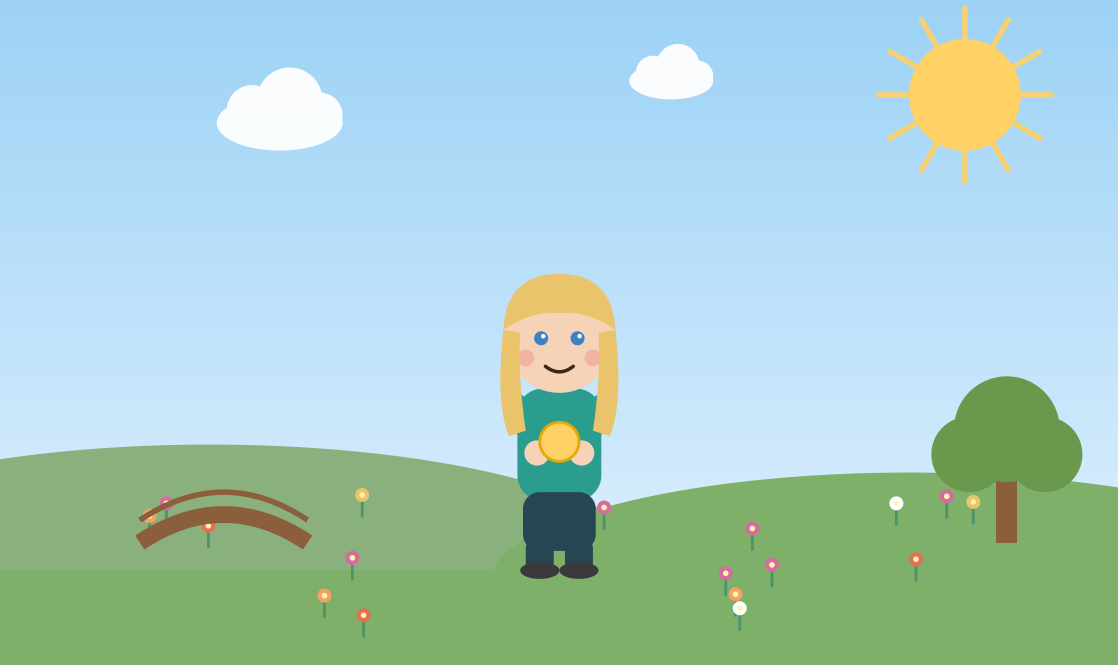
В лупе она была огромная, как красный зонтик в горошек. Божья коровка лезла на травинку, как на гору: соскользнёт, передохнёт — и снова вверх. Травинка качалась под ней. На самой макушке божья коровка раскрыла крылышки — фр-р-р! — и улетела. «Видели?» — шепнула *Полина* улиткам. Улитки не видели. Они ползли. Ещё на сантиметр. А *Полина* уже искала глазами, что там дальше.

Потом — капля росы на травинке. Круглая, как стеклянный шарик. А в ней — радуга, маленькая, как ноготок.

И ещё в капле кто-то был: кто-то с лупой, в шляпе из листа. *Полина* засмеялась: это же она сама! Потом кузнечик заиграл на скрипочке: трень-трень-трень. Потом муравей протащил мимо крошку — больше себя самого — и ни разу её не уронил. *Полина* смотрела и смотрела — и совсем забыла про гонку.

Странное дело: ждать больше не было скучно. *Полина* уже не торопила улиток, а рассказывала им, что видно впереди: «Тут божья коровка улетела. А там роса, осторожно, мокро». Улитки шевелили рожками — слушали. Солнце грело спину, трава пахла мёдом, и время текло медленно, как мёд с ложки. Оказалось, если не подгонять минуты, они становятся длинными, тёплыми и очень интересными. В каждой что-нибудь да найдётся. Рядом Барсик прямо дрожит — так хочется погнаться за улитками. «Подожди», — просит *Полина* и сама удивляется, что так умеет.

И вот — финиш!

Все четыре улитки подползли к меловой линии одновременно, рожки к рожкам. «Кто первый? Кто же первый?» — растерялась Пушинка. Она даже подпрыгивать перестала. *Полина* наклонилась с лупой. И поняла: Кнопка могла прийти первой. Она всю дорогу ползла впереди, но то и дело останавливалась и ждала тех, кто отстал. «Медали всем! — решила *Полина*. — Они пришли вместе. Значит, и победили вместе».

Медали были из шляпок жёлудя, на травинках вместо ленточек. Пушинка надела их на каждую улитку. Кнопке — первой.

А потом достала из сумки ещё одну и повесила *Полине* на шею. «За терпение», — сказала она. *Полина* потрогала медаль. Она была шершавая, лёгкая и тёплая от солнца, как настоящий жёлудь. У совы Луны, хранительницы лун, есть присказка: «Луны не убегают». Теперь стало понятно, что она значит.

В небе зазвенело: «Дзинь...» — тихо-тихо, будто и луна никуда не спешила. И медленно-медленно, как улитка у финиша, загорелась девятая луна. Обратно можно было и побыстрее. Но *Полина* закрыла глаза не спеша — чтобы ничего не пропустить. Медаль легла на полочку на подоконнике. На карте совы Луны неторопливо засветился ещё один кружочек. За окном прошуршала ночь. А сон пришёл сам — не торопясь, как Кнопка. Медленно-медленно, тихо-тихо...

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Кто умеет ждать, тот видит больше.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А что интересного ты заметила, когда
тебе пришлось долго ждать?

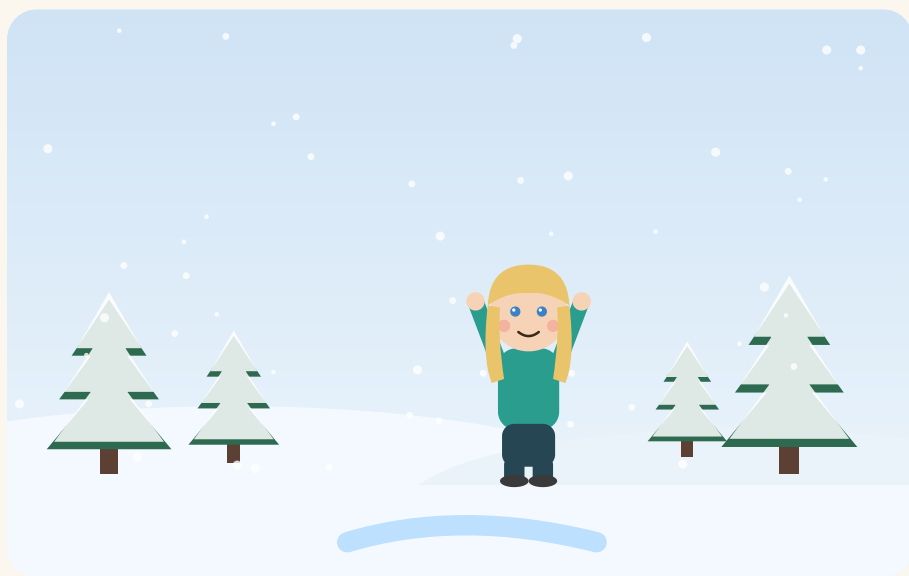
Хранительница зимнего леса

В тот вечер ключ под подушкой гудел: «М-м-м...» — и пах почему-то ёлкой. Он потянул руку к стене, и на обоях проступила золотая дверца. Тук-тук-тук. Дверца скрипнула — и в комнату влетели три снежинки. Из-за дверцы дуло холодком и пахло хвоей и мандариновой коркой. *Полина* натянула шапку, намотала свой полосатый шарф и шагнула вперёд. Снег под ногами захрустел, как сахар в сахарнице.

На заснеженной ветке сидела сова Луна — белая от инея, как снежок с глазами.

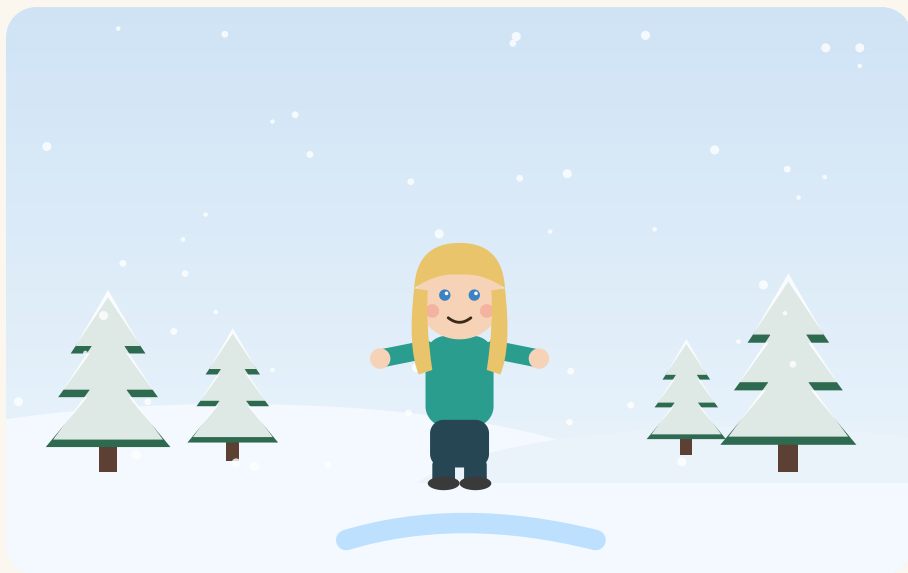
«Ух-ху. Зимнему лесу нужна хранительница. На один день. Возьмёшься?» Она повесила *Полине* на пижаму деревянный значок с вырезанной ёлочкой. Значок был лёгкий, как пуговица, и пах смолой. А стоять с ним почему-то хотелось прямо-прямо, как стоят часовые у ворот. Рядом — Миша: у хранительницы должна быть вторая пара рук. «Кто позаботится о лесе?» — спросила сова и нахохлилась. «Я!» — сказала *Полина*. Само вырвалось.

Первое дело нашлось сразу.

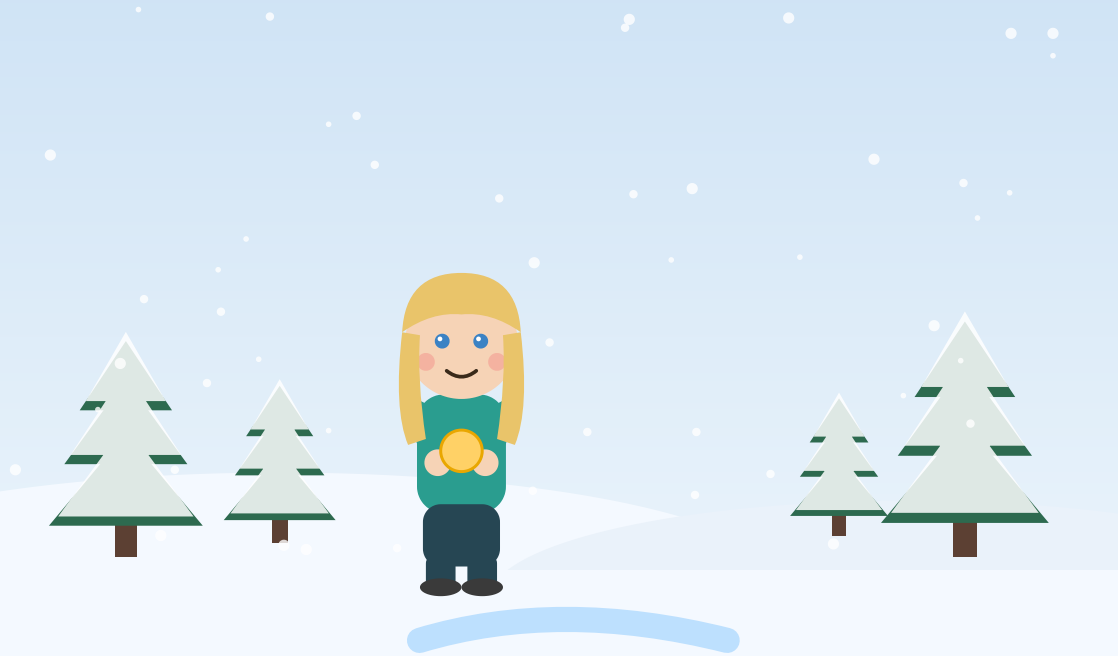
Ручей замёрз, и звери стояли на берегу грустные: олени лизали лёд, заяц стучал по нему лапой. Пить-то хочется! Прилетел дракончик Уголёк — маленький, с ладошку. «Ик! Я могу греть! Я же дракон! Ну... небольшой». Он дышал на камень, пока тот не запыхтел паром. *Полина* взяла горячий камень в варежки и положила на лёд. Лёд вздохнул — ш-ш-ш — и растаял круглым окошком.

Лисёнок Рыжик выложил к окошку дорожку из еловых веток, чтобы никто не поскользнулся. Ветки кололись и пахли, как новогодняя ёлка. Олени встали в очередь. «Только после вас», — поклонился один. «Нет-нет, после вас», — поклонился другой. Они кланялись так долго, что первым успел напиться заяц. Рыжик наклонился посмотреть в воду — и бух! — нырнул носом в сугроб. Вынырнул с белой бородой. «А можно... я теперь буду дедушкой?» А Барсик катается в снегу, как пельмень в муке. Под ёлкой кто-то тоненько дрожал. Оленёнок!

Ножки как палочки, на ресницах снежинки, глаза мокрые. Он отстал от мамы и потерялся. Кто позаботится? — Я! *Полина* сняла свой полосатый шарф и укутала оленёнка до самых ушей. Оленёнок сразу перестал дрожать. А вот шее стало холодно. Но Уголёк забрался к *Полине* на плечо и свернулся вокруг шеи тёплым воротником: «Ик. Так лучше?» Так было гораздо лучше. Воротник даже уютно посапывал.

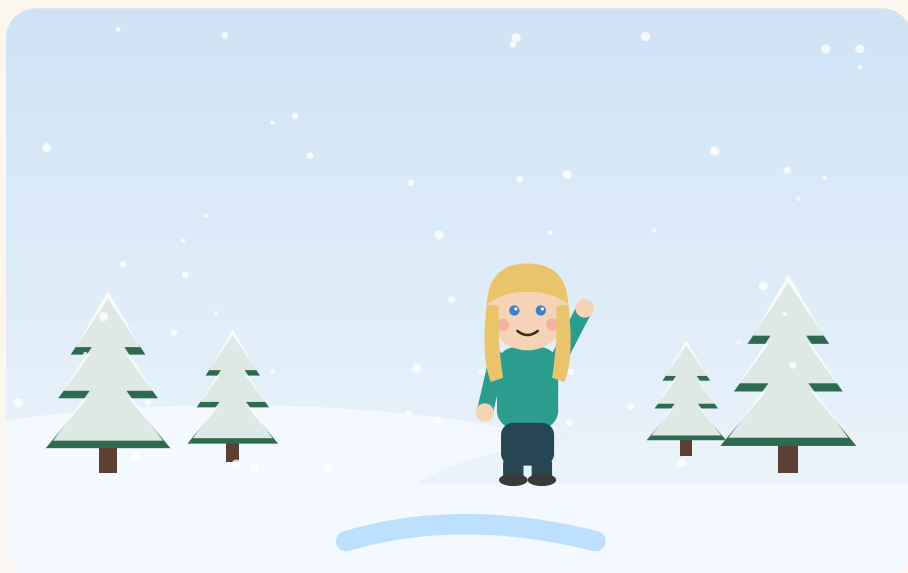
Теперь надо было найти маму-олениху. Рыжик палочкой нарисовал на снегу карту: вот ёлка, вот ручей, вот следы.

Полина присела и посмотрела внимательно. Маленькие следы — оленёнка. А рядом большие, как половинки сердечка. Они уходили за горку. «Нам туда», — решила *Полина*. За горкой стояла олениха и тихо звала. Оленёнок побежал к ней вприпрыжку, в шарфе, как в праздничном банте. Оленихадохнула *Полине* на варежки — тепло, как из духовки.

Третье дело было про завтра. Зимой птицам голодно: семечки под снегом, ягоды под снегом, всё под снегом. *Полина* собрала шишки, мазала их мёдом и катала в семечках.

Пальцы слипались, как будто их склеили.
Уголёк икал от смеха, а Рыжик показывал, на
какую ветку вешать. Шишки повисли на
ветках, и скоро ёлка зачирикала. Снегири
расселись на ней, красные, как яблоки.
Получилась зимняя яблоня.

Стемнело рано, как всегда зимой. Но темнота в
лесу была вся в огоньках и знакомых голосах, и
бояться в ней было некого. Вдоль тропинки
сами собой зажглись снежные огоньки. Птицы
запели.

Олениха с оленёнком проводили *Полину* до самой дверцы. «Лес уже сказал спасибо, — сова Луна дотронулась крылом до значка. — Оставь его себе». В морозном воздухе звякнуло: «Дзинь!» — как сосулька о сосульку. Горит десятая луна — белая, как свежий снег. Дома значок лёг на полочку на подоконнике. А за окном тихо качалась шишка с семечками.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Забота — это маленькие дела, которые делают руками.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А о ком ты позаботилась сегодня — хоть чуть-чуть, хоть одним делом?

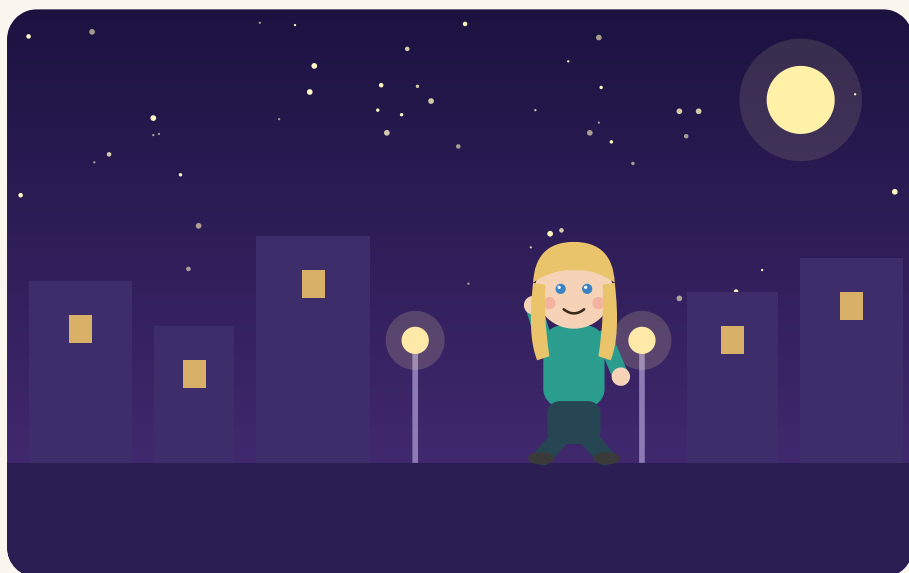
Город, где прячутся сны

П *олине* никак не спалось. Она повернулась на левый бок, потом на правый, потом на спину. Мысли прыгали в голове, как мячики на площадке: про завтра, про вчера и про то, зачем кошкам усы. Подушка нагрелась с обеих сторон, одеяло сбилось гармошкой, а одна пятка всё время мёрзла. Даже часы на кухне тикали слишком громко. А ключ под подушкой гудел совсем тихо, будто боялся кого-то разбудить: «М-м-м...»

Дверца на стене открылась беззвучно, будто знала, что шуметь нельзя.

За ней лежала улица — мощёная, сонная и очень медленная. Дома стояли в ночных колпаках с кисточками. Из труб доносилось похрапывание: один дом храпел басом, другой — с присвистом. Фонари не горели. На крыше сидел кот, большой и рыжий, мягкий, как диванная подушка. Кончик его хвоста светился, как фитилёк свечи. «Тише-тише... фонари слушают», — сказал кот-фонарщик Мурлык.

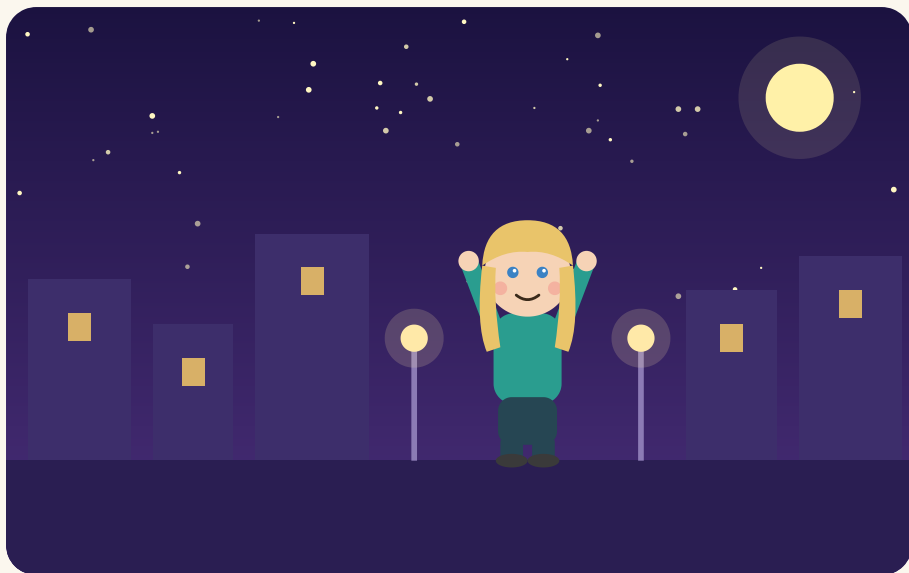

Полина побежала к нему через улицу — и ближний фонарь сразу задрожал и потускнел.

«Не спеши, — сказал Мурлык. — От спешки фонари гаснут. А от дыхания загораются. Вдох — как будто нюхаешь цветок. Выдох — как будто дуешь на свечку». *Полина* остановилась посреди улицы. Вдохнула — воздух пах свежим бельём. Выдохнула — медленно-медленно. Мурлык коснулся фонаря хвостом, и фонарь загорелся, жёлтый и тёплый, как чай с мёдом.

Так они и пошли по улице. Вдох — и шаг. Выдох — и новый фонарь. Шаги становились всё медленнее и мягче. Мысли-мячики больше не прыгали. Они катились тише, тише — и улеглись в корзинку, как котята. Улица мягко шла под горку. Камни под ногами были тёплые, как печка. Фонари загорались один за другим. А за спиной оставалась дорожка тёплого света. Где-то тихо звякнул колокольчик на двери и замолчал.

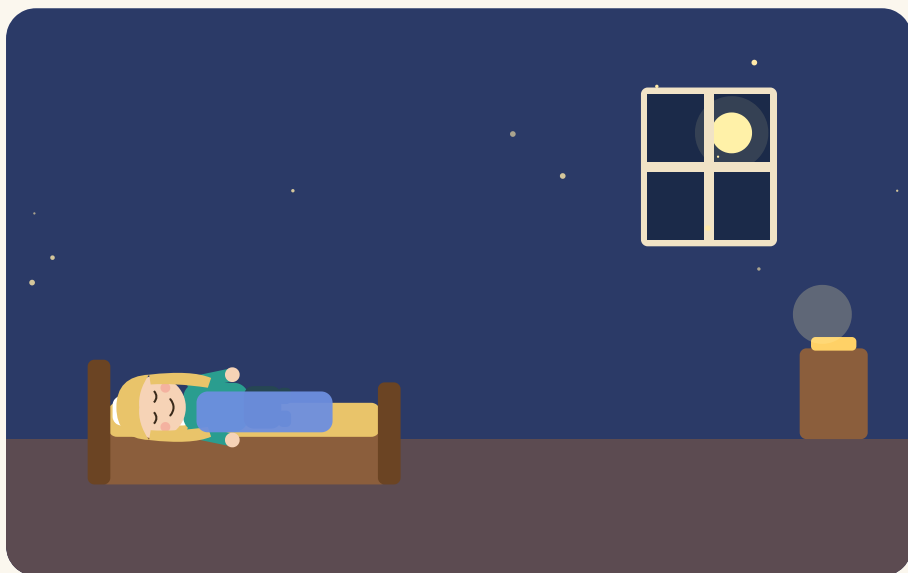
Улица привела на маленькую круглую площадь. Там стояли полки, а на полках — баночки.

Много-много баночек: круглые, высокие, как стаканы, и совсем крошечные. Они чуть светились, как светлячки. *Полина* заглянула в одну — пусто. Заглянула в другую — тоже пусто. «Сны здесь не выдают, мр-р, — сказал Мурлык. — Их загадывают сами. Вспомни что-нибудь тёплое». *Полина* села на ступеньку и задумалась. Хорошего было много. А выбрать нужно одно.

И *Полина* выбрала. Тёплое полотенце после ванны. Дождик по окну, когда ты дома, в тепле и в пижаме. Баночка в руках потеплела. На дне зажёгся свет.

Он поднимался медленно, как молоко в кастрюльке. И дошёл до самого края. Высоко в небе тихо прозвенело: дзинь. Тихо, как ложечка в стакане. Горит одиннадцатая луна. Мурлык кивнул. Кончик его хвоста светился ровно-ровно. Баночка грела ладошки.

Полина держала баночку двумя руками. Бережно, как птенца. Мурлык повёл обратно. Его хвост светился впереди, как маленькая свечка. Они шли медленно, шаг за шагом. Булыжники под ногами были гладкие и тёплые.

Фонари за спиной гасли. Один, потом другой.
Мягко, без щелчка. Как будто засыпали. Дома в
колпаках храпели всё тише. Тишина была
мягкая, как вата. Вот и дверца. Вот и коврик.
Шаг.

Вот кровать. Подушка прохладной стороной.
Одеяло мягкое и тёплое. Баночка стоит на
подоконнике. Она светится чуть-чуть. В ногах
сопит Барсик. Мысли лежат в корзинке. Ключ
под подушкой молчит. Глаза тяжёлые. Руки
тёплые, ноги тёплые. Вдох — как будто
нюхаешь цветок. Выдох — как будто дуешь на
свечку. За окном луна. Она тускнеет сама. Как
ночник перед сном. Стало тихо. Ещё тише. Сон
пришёл. Он уже здесь. Спокойной ночи,
Полина.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Спокойный вдох и выдох — дорога в
добрый сон.

ВОПРОС НА НОЧЬ

А какое тёплое воспоминание ты бы
положила в свою баночку сегодня?

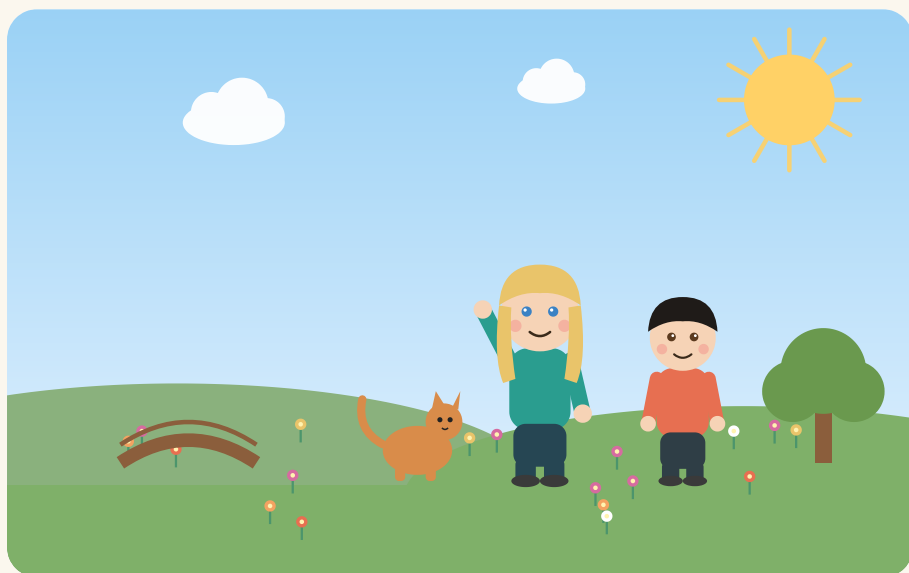

Большое путешествие домой

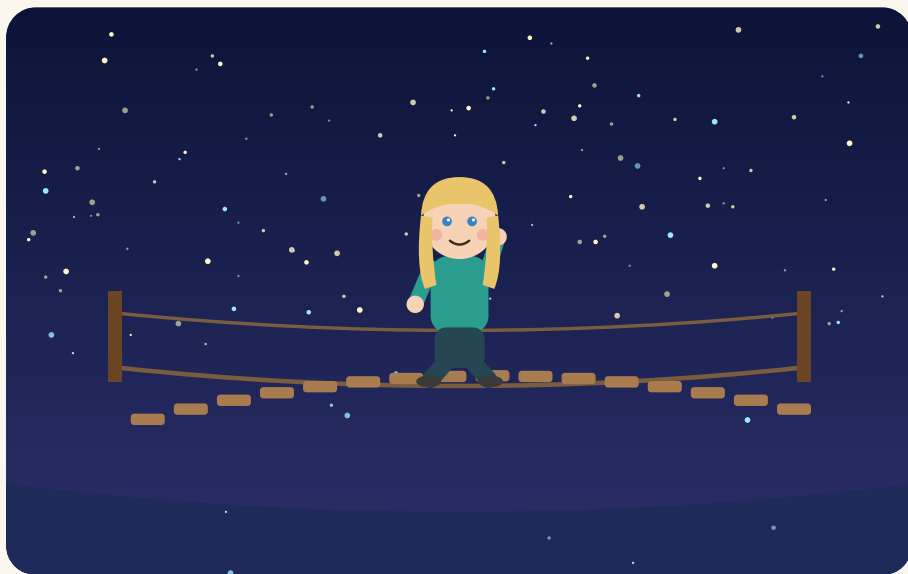
Ключ под подушкой гудел в тот вечер как-то особенно: тихо, но торжественно, как чайник перед праздником. Дверца открылась сразу, с первого «тук». Под ногами зашуршала тёплая трава, пахло мёдом. У Лунной башни, похожей на маяк, ждала сова Луна. Она совсем не спала и даже не зевала. «Ух-ху. Эта луна самая трудная, — сказала она. — Она загорится, когда кто-нибудь покажет Стране, что такое дом». И протянула *Полине* фонарь — стеклянный, лёгкий и пустой. Внутри не было ни огонька.

«Этот фонарь горит не от спичек, — объяснила сова. — Он горит от воспоминаний. А провожать тебя пришли все». Фонарь пока был холодный, как стакан с водой. Первым прибежал Уголёк, маленький дракончик, который когда-то боялся темноты. В ладошках у него была искра. «Я всё ещё чуть-чуть боюсь темноты, — сказал он. — Но теперь знаю: я могу быть для кого-то светом». Искра прыгнула в фонарь, и фонарь загорелся.

Лисёнок Рыжик, который раньше говорил только шёпотом, протянул свёрнутую бумажку.

Это была карта дороги домой, с тропинками и мостиком. «Я сам нарисовал!» — сказал он громко, без всяких «...». Все обернулись, а Рыжик даже не спрятал нос в хвост. Робот Бип выкатился со списком «Что взять в дорогу»: фонарь, носки, мёд. А последним пунктом было имя — *Полина*. «Это не факт, — сказал Бип. — Это чувство». Лампочки у него на груди порозовели.

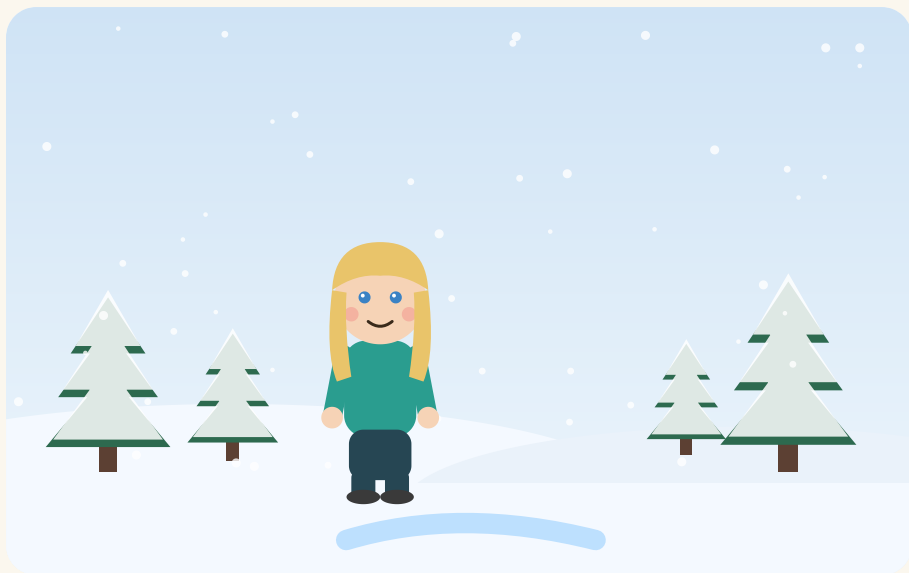

Облачко Кучеряшка подплыло тихонько: «Во мне сегодня ясно, но с лёгкой грустью. Держи». И отдало кусочек тени, прохладный, как вторая сторона подушки.

«Пригодится, когда всего слишком много: слишком ярко и слишком шумно». Осьминог Отто протянул жемчужину, которая пела, и сказал: «Простите». Все замерли. Ждали ещё семь «простите», по одному на каждую руку. А он больше не извинялся. Просто улыбался и смущённо выпустил облачко чернил, как будто покраснел.

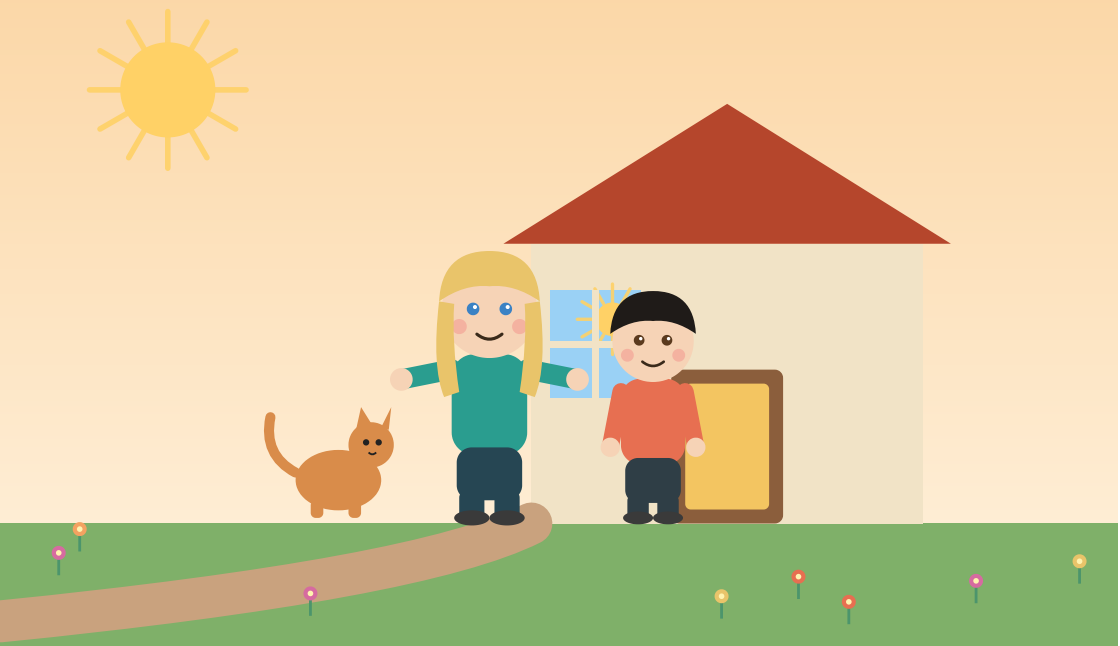
Пчёлка Зузу принесла баночку с этикеткой «Мёд для дороги домой». «З-замечательно! Всё записано!» Кот-фонарщик Мурлык отдал фитиль для фонаря и сказал самое короткое: «Мр-р. Пора». Последней примчалась зайчиха Пушинка, самый быстрый почтальон Страны. Она протянула письмо. В письме было всего три слова: «Мы тебя ждём». *Полина* прижала письмо к пижаме. Оно было тёплое, будто его только что держали в руках. Дом — это где меня ждут.

Они пошли все вместе. Через Шуршащий лес, где листья шептали «до свидания». Через луг, где трава мягкая, как ковёр.

И к звёздной реке, где звёзды плыли, как клёцки в супе, и тихонько звенели: «Динь». На мосту дул ветер. Все держались друг за друга — за лапы, за хвосты и за щупальца. *Полина* и Миша крепко держались за руки. «Раз, два, три — я иду!» — засмеялась *Полина*. Эти слова всегда помогают, когда страшно. А сейчас было просто весело.

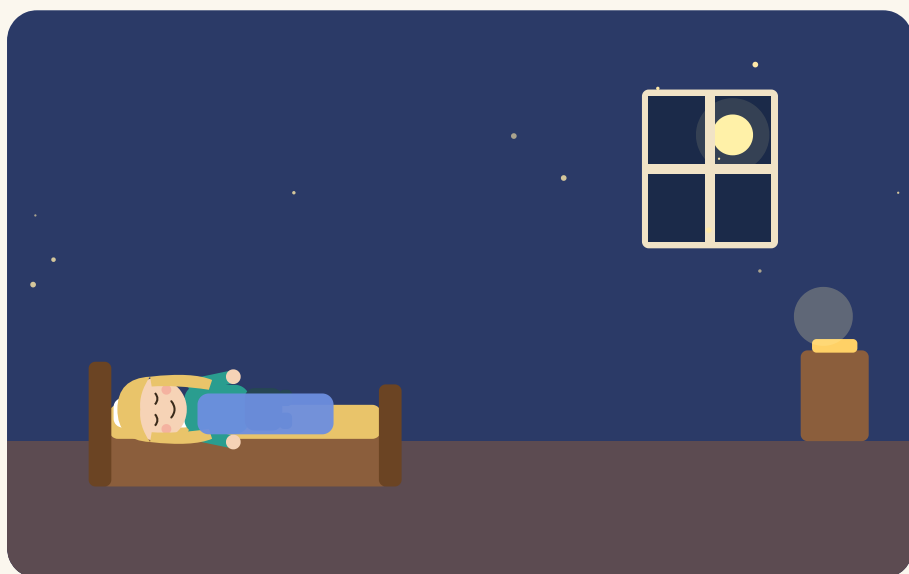
На том берегу налетела буря. Ветер завыл — у-у-ух! — и задул фонарь. Стало темно, хоть глаза закрывай. *Полина* так и сделала: закрыла глаза и стала вспоминать.

Свою кровать и прохладную сторону подушки. Полочку на подоконнике, где светятся маленькие сокровища. Ключ, который гудит «м-м-м». Запах своего полотенца после ванны. Как Барсик встречает у двери. С каждым воспоминанием фонарь разгорался ярче: сначала мигнул, потом загорелся ровно, потом ярко. И буря сдалась.

Когда *Полина* открыла глаза, посреди Страны стоял дом. Её собственный дом, с её окном и её занавеской. Окна светились. Из двери пахло ужином и чем-то очень знакомым.

На крыльце горел свет, а у двери стояли те, кто её любит. Это было чудо — и совсем не странно. «Ух-ху. Это не ты пришла домой, — сказала сова Луна. — Это дом пришёл за тобой». В небе прозвенело: «Дзинь!» Горит двенадцатая луна! А вместе с ней засияли все двенадцать — по кругу, как часы, которые показывают «домой».

Сова Луна отдала *Полине* ключ. «Насовсем. Дверца открывается в обе стороны. Она всегда так умела».

«Я ведь тоже у тебя училась», — добавила она. Друзья помахали: «До встречи!» Не «прощай», а именно «до встречи». Отто махал всеми восемью руками и не извинился ни разу. *Полина* проснулась в своей кровати. Ключ лежал на подушке, тёплый. На полочке светилося всё сразу. Целая страна друзей — за одной маленькой дверцей.

Конец

МЫСЛЬ НА НОЧЬ

Дом — это те, кто тебя любит, в любом уголке
мира.

ВОПРОС НА НОЧЬ

Кого бы ты вспомнила, чтобы снова зажечь
свой фонарь?

Спокойной ночи, *Полина!*

Эта книга создана специально для Полины